

АНДРЕЙ
ОСТАЛЬСКИЙ

Жена
нелегала

Андрей Всеволодович Остальский
Жена нелегала
Серия «Любовь и власть»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6130182
Жена нелегала: Эксмо; М.; 2013
ISBN 978-5-699-65989-0

Аннотация

Это история о Ромео и Джульетте времен «холодной войны», о двух людях, чья любовь оказалась важнее верности враждующим лагерям и государствам. Это роман о том, как Власть любви побеждает Власть.

Содержание

Пролог	5
Часть 1	7
1	7
2	9
3	13
4	16
5	19
6	26
7	32
8	38
9	41
10	45
11	52
12	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Андрей Остальский

Жена нелегала

Все персонажи этой книги, за исключением широко известных в обществе фигур, вымышлены автором, и всякое их сходство с реальными людьми является случайным и непреднамеренным.

Пролог Киев, 1995

Проезжая мимо, можно было не заметить его вовсе – дом был старый, дореволюционный, выцветший, с облезлой дверью подъезда и темными запыленными окнами, типичный «крысятник», которых немало еще осталось на Подоле. Со своими двумя невысокими этажами он затерялся между более современными зданиями – примитивом советских шестидесятых: так, мелькнет за автомобильным окошком какое-то размытое серое пятно. И человек, появившийся у замшелого подъезда однажды в сумерки, тоже был серый, неприметный, закутанный в темный плащ неопределенного цвета. Кажется, он спустился со стороны Крещатика, но так незаметно, как будто вырос из-под земли. И секунды не простоял он перед дверью, пробежал по кодовому замку пальцами – и растворился в черной гниловатой пасти подъезда, будто его и не было никогда.

Десять минут спустя откуда-то со стороны Константиновской появился второй. Незаметно отделился от людского потока – и двух секунд не прошло, как он уже одолел половину переулка и оказался перед той же обшарпанной дверью. Он тоже знал, как обращаться с кодовым замком, и бесшумно проскользнул внутрь.

Если бы в доме были установлены светочувствительные камеры (что было вполне вероятно), то они зафиксировали бы, как сначала Первый, а потом и Второй поднялись по лестнице на один этаж и позвонили в одну и ту же дверь – квартиры справа. Но вот от установленных в квартире микрофонов толку было немного. Всего и удалось записать одно только слово, да и то неразборчивое, в самом конце пребывания в квартире обоих гостей.

Встречавший их мрачный человек небольшого роста, одетый в синий халат, лишь кивнул в знак приветствия.

В полном молчании пришедшие уселись в кресла напротив длинного, вдоль всей стены, зеркала. Откуда-то появилась женщина, тоже в халате, но в белом, стала разводить воду, принялась за стрижку. Стригла не спеша, смотрела в зеркало, пыхтела, старалась. Минут через тридцать стало очевидно, что прически выходят совершенно одинаковые, и тут выяснилось, насколько Первый и Второй похожи друг на друга. Обоим около шестидесяти, одинакового примерно роста и телосложения. Один, правда, совсем седой, а второй еще почти совсем темноволосый. Но женщина поколдовала над смесью каких-то красителей, и вот в зеркале уже две совершенно одинаковые головы, с легкой проседью на висках. Не говоря ни слова, женщина исчезла, и ее место снова занял мрачный тип в синем халате, который принес с собой целый чемодан грима – но не только. Из чемоданных недр он извлек белую маску из какого-то необычного материала, да еще с внутренней толстой начинкой. Он присоединил к маске идущие в угол провода, приложил ее к лицу Второго, плотно прижал... Потом держал так довольно долго.

Если Второй испытывал при этом хоть какие-либо неприятные ощущения, то виду он не подал. Разве что чуть-чуть, еле уловимо, дрогнул в какой-то момент, когда, наверно, стало слишком горячо. Человек в халате спешно отсоединил провода от маски. Подержал ее еще несколько минут прижатой, потом осторожно, медленно отнял. Под маской оказался слой чего-то белесого, неаппетитного, под которым черт лица было вообще не разобрать. Гример стал аккуратно, медленно снимать эту пленку, и под ней обнаружилось нечто уже похожее на лицо – только противоестественно бледное, будто мертвое. Теперь в ход пошли запасы грима и красок.

Глядя в зеркало, он будто рисовал портрет. Лицо Первого – на лице Второго. Недовольный результатом, человек в халате переделывал, исправлял... Заходил с одной стороны,

с другой, подолгу вглядывался в зеркало. Его явно беспокоила верхняя губа: у Первого она была чуть крупнее, резче очерченной, чем у Второго, никакой грим не помогал. Тогда он извлек из чемодана несколько пар усов; приложил одни, потом другие, наконец сделал выбор. Получились невзрачные щеточки, нельзя сказать, чтобы очень уж шли они к этим двум лицам, вернее, теперь уже одному лицу, но проблема губы была решена.

Тем временем Первый и Второй сохраняли полную, нечеловеческую невозмутимость. Можно было подумать, что оба они страдают жестокой формой аутизма, настолько равнодушно смотрели они в зеркало прямо перед собой, не обращая ни малейшего внимания ни друг на друга, ни на гримера-художника. Как будто им было и вовсе неинтересно, что он проделывает с их лицами.

Минут сорок упорного труда, и вот они уже почти превратились в однойцевых близнецов. Почти – все же какое-то неуловимое, но глубинное отличие сохранялось. И именно оно, наверно, не давало покоя мрачному типу в синем халате, который морщился, поджимал губы, ходил вокруг с такой гримасой, будто у него болели зубы. Щурился, всматривался в зеркало. Прикасался одной из своих щеточек к лицу то одного, то другого. Что-то в глубине глаз, в выражениях лиц, нечто внутреннее, проступавшее снаружи, не поддавалось причислению, приглаживанию, запудриванию.

Но все это можно было разглядеть, только как следует присмотревшись. А так – если бы кто-нибудь вдруг вошел в комнату, то увидел бы двух близнецов, безучастно сидевших на круглых стульях перед гигантским зеркалом.

Наконец человек в синем халате закончил работу, слегка пожал плечами, кивнул зеркалу, вроде раскланялся: дескать, сделал все, что мог.

Повернулся и исчез.

Первый и Второй еще посидели пару минут, словно ожидая продолжения шоу. Потом, поняв, что продолжения не будет, Первый встал, отряхнул пиджак, вытер короткую шею бумажным платком и пошел в прихожую одеваться.

Второй некоторое время еще сидел в одиночестве с закрытыми глазами. Потом и он не спеша встал. Отряхнулся. Бросил на себя последний взгляд в зеркало. И вдруг не сдержался, издал какой-то звук, шепотом произнес одно всего слово. То ли «факт». То ли «факс». Или что-то в этом роде. Как будто подвел итог всему произошедшему.

Часть 1 Москва, 1995

1

Жена в конце концов взяла письмо из рук Данилина, но с таким брезгливым видом, будто это был какой-то мусор, сомнительная, грязная тряпка или мерзкое насекомое. Читала, поджав губы и наморщив нос, но постепенно черты ее лица разгладились, глаза загорелись, через минуту она уже не могла оторваться. Прочитала. Отложила в сторону, сказала, ни к кому не обращаясь: «Ни фиги себе!» Потом снова взяла письмо и принялась читать заново.

А поначалу ведь и видеть его не хотела. С ночи Данилин подложил письмо на столик, за которым она пила кофе – в былые времена они завтракали там вместе, – однако утром она сделала вид, будто ничего не заметила. Думала, наверно, что Данилин отстанет от нее после этого. Но нет, не на того напала. Данилин пошел за ней на кухню с письмом в руке и, как только она наклонилась над раковиной, закинул его на конфорку плиты – уж там его не заметить не получится! Закинул, как ему казалось, ловко и незаметно. «Ну, и в чем дело, почему я должна это читать? Это что, любовное послание какое-нибудь? И почему по-английски?» – сказала жена, не оборачиваясь и продолжая мыть посуду. Данилин был настолько поражен, что не нашелся, что сказать внятного, только промычал что-то. Что-то насчет глаз на затылке. Жена наконец обернулась, вытерла руки полотенцем и впервые посмотрела прямо в лицо Данилину. «Так в чем дело?» – повторила она скорее грустно, чем враждебно. «Видишь ли, Таня...» – начал было Данилин, но жена лишь нетерпеливо взмахнула рукой, дескать, ладно, сейчас сама разберусь, что ты тут мне подсовываешь и зачем.

Она прочитала письмо два раза, несколько раз возвращаясь к отдельным местам. Потом сказала: «Смотри, вода на него попала». «Ага, разговаривает!» – про себя обрадовался Данилин. А вслух сказал: «Не страшно, высохнет... И вообще, ты же видишь – это ксерокопия. Я лично вчера на ночь глядя сделал, когда никого уже не было. И в отделе писем должны были еще одну снять. Это правило у нас такое: если главному адресовано и сквозь заслоны пропущено, а тем более из-за границы, то автоматически делается ксерокопия. И все регистрируется». – «Ну конечно, раз главному, тогда конечно, – насмешливо отвечала Таня. – Но скажи, зачем тебе так уж было нужно, чтобы я это прочитала?» – «А что, разве тебе неинтересно было?» – «Еще бы неинтересно... Но в чем была сверхзадача – ты просто меня развлечь хотел перед началом рабочего дня?» – «Нет, я хотел узнать твое мнение. Воспользоваться твоей знаменитой интуицией...»

На это Таня ничего не ответила, только повела головой, выражая сомнение – один из тех ее собственных, неподражаемых жестов, которые когда-то так нравились Данилину.

Помолчав немного – необходима была какая-то пауза, – он спросил: «Как ты думаешь: можно верить этой женщине? Или это все выдумки? Или даже – болезнь? Паранойя?» – «Не стану биться об заклад, но, кажется, похоже на правду... я верю... Однако... послушай. Неужели ты собираешься это как-то расследовать? Это же невозможно!» – «Посмотрим... я ведь тебе говорил, к нам генерал Трошин ходит. У него свой интерес, а у меня – свой... Может, под это дело удастся что-нибудь из него вытянуть». – «Из Трошина? Вытянуть? Ну ты даешь, Лешка!» Таня вдруг провела левой рукой перед своим лицом и тут же превратилась в сурового надменного генерала. Потом принялась показывать, как из него вытягивают что-то вроде веревки, а тот сопротивляется.

Данилин засмеялся, а Таня комично нахмурилась.

«Очень похоже, – сказал Данилин. – Один к одному, вылитый Трошин!» Таня опять забавно повела головой, теперь немного по-другому, на этот раз это значило: не преувеличивай.

«Лешкой меня назвала, – вспомнил Данилин. – Это, кажется, в первый раз с тех пор...»

Собственно, уже с утра почудились ему некие неплохие приметы. Таня надела темно-серый костюм с розовой блузкой, который давным-давно не носила. Не могла же она забыть, что это его любимое сочетание? Или все-таки могла? Что это – некий сигнал или просто так, бессмысленное совпадение? – ломал голову Данилин.

«Мне пора», – сказал он, вздохнув. Хотел, чтобы Таня спросила: «Чего вздыхаешь?» Но она не спросила, только сказала: «Ну, пока!» И отвернулась.

Отвернулась!

Данилин поплелся в прихожую, натянул куртку, взял рожок, повертел его в руках, будто забыл на секунду предназначение этого предмета... начал надевать ботинки, раздумал. Постоял, прислушиваясь, потом прокрался в носках к двери в кухню. Прячась за косяком, осторожно заглянул внутрь.

Таня сидела у окна и, нахмурясь, снова перечитывала письмо.

Данилин на цыпочках вернулся в прихожую, надел наконец чертовы ботинки. Открыл дверь, почти вышел уже, потом опять вернулся на секунду, крикнул, не слишком громко: «Пока, я пошел». Но Таня не ответила: не расслышала, наверно.

2

Данилин опоздал минут на десять, и у двери его кабинета уже пританцовывал ответсек Игорь.

– Ну что, что тебе нейдет, балерун, дай хоть кабинет открыть, – проворчал Данилин.

– Сегодня день тяжелый, а ты опаздываешь! – огрызнулся Игорь. – С третьей полосой надо срочно решать.

– А Веревкина точно снимаем?

– Снимаем, снимаем! Ты ж его в Чечню услал, как будто больше некого было. А без него никто не доделает.

– Но парень не виноват!

– А мне все равно, кто виноват, мне подавай приличный материал на третью, и все тут!

Данилин работал с Игорем в газете пятнадцать лет, начинали оба корреспондентами, были на «ты». И имела у ответсека такая, несколько натужная манера фамильярничать – что поделаешь, если ему важно показывать отсутствие дистанции с начальником. Приходилось не только ее терпеть, но и виду не подавать, что она слегка Данилина раздражала.

О чем бы они ни говорили, на самом деле у Игоря к Данилину вечно был один и тот же тяжкий разговор, а у Данилина к Игорю – свой, не менее тяжелый. Ответственный секретарь доказывал Данилину, что тот оторвался от газетной реальности, перестал быть журналистом и выродился в чинушу. А Данилин, в свою очередь, считал своим долгом слегка, ненавязчиво ставить ответсека на место. Не самолюбия, а дела ради. Потому как зазнавшийся ответсек – беда редакции. И еще в последнее время Данилин старался использовать каждую возможность, чтобы мобилизовать Игоря на борьбу с «джинсой» – то есть по-тихому оплаченными кем-то публикациями. Сунет бизнесмен конвертик бедствующему журналисту – глядишь, и задаст он нужный предпринимателю тон. Или твою компанию в позитивном свете выставит, или конкурента походя охает.

На «джинсу» Игорь явно смотрел сквозь пальцы. Попустительствовал. Не потому, надеялся Данилин, что одобрял ее или, не приведи господь, имел в ней личную материальную заинтересованность, а потому, что, видимо, считал эту проблему делом, не достойным своего высокого внимания. Данилина это здорово злило, просто с трудом сдерживался.

Вот и сейчас, устраиваясь по разные стороны баррикады – то есть Данилин за своим могучим столом, с прежними еще, номенклатурными телефонами и даже с правительственной связью – «вертушкой», а Игорь напротив него, за столом заседаний – каждый готовился к своему бою. Но у Данилина были сегодня основания не особенно задираться.

Игорь всегда говорил примерно одно и то же:

– Ну что ты все со своим Тимофеичевым носишься? Что он такого написал замечательного в последнее время, а? Да ничего! Интервью у Черномырдина взял, ну и так себе интервью! Можно было бы и пожестче вопросы задать. Все заслуги – в прошлом. А Пуртов? Все про пережитки сталинизма? А Краснопольский? Опять про всеми забытого героя войны? Ну сколько можно? Не хотят больше этого читать.

Или все про третью страницу (на жаргоне – полосу) гундосил. Вот и сегодня:

– Проваливается у нас третья! Молодежь у нас шустрая, поэтому вторая полоса номера вытягивает, а твои заслуженные ветераны не соответствуют, ерунда какая-то, не будет народ это всякое морализаторство читать. Ему клубничку подавай или малинку, расследований побольше, репортажей из-под воды, из-под развалин, из огня да из радиоактивных зон. Или изнутри организованной преступной группировки какой-нибудь. И мнения нужны, конечно, но не твое сбалансированное занудство английского типа – с одной там стороны, с другой... Провокационные нужны мнения, резкие, на грани флага.

– Ты бы лучше за своей шустрой молодежью смотрел попристальней, – отбивался Данилин. – Что ты там поставил на потребительской? А? Все говорят: «джинса» чистой воды. Названия компаний так и мелькают! Один этот твой Чабров чего стоит... А Дворкин? Опять про него чего-то там такое-этакое? Ты не забыл еще скандала, когда в прошлом месяце имя одного бизнесмена у нас в номере упоминалось трижды?

– Меня не было, я в отпуске был.

– Знаю, что не было. Если бы «тебя было», я бы решил: все, выдохся старый кот, мышей не ловит.

– Ты поосторожней, насчет кота-то...

Игорь раскладывал свои «пасьянсы», излагал возможные варианты перетасовки газетных материалов, чтобы ответить на вопрос: что поставить на третью полосу. Ведь третья особенно важна! «Важна-то важна, но не настолько, как тебе кажется!» – думал Данилин.

Ему стало скучно, он слушал вполуха и исподтишка наблюдал за Игорем, пытаясь представить себе, каким бы тот был, как бы держался, если бы он стал главным вместо Данилина. Изменилось ли бы его выражение лица, манера держаться и говорить? А что, вполне возможно! Надулся бы, наверно, распух от важности. Бровь правая поднималась бы вверх круче. Говорил бы медленнее, внушительнее, не частил бы так, как сейчас, надменнее бы головой ворочал. Может быть... Ну а сам-то он, Данилин, сильно ли изменился с тех, спецкоровских, пор? Вроде не очень. Хотя это надо со стороны смотреть...

Данилин слушал рассеянно и потому упустил момент, когда Игорь вдруг по собственной инициативе вернулся к теме «джинсы».

– Где ты обитаешь, на каких небесах, – злился Игорь. – Кто, какая полиция нравов этим тебе заниматься будет? И где я тебе тогда материалов наберу? Что ни напечатаешь, про все кто-нибудь да скажет: «джинса»! Может, вообще прикажешь про бизнес не писать? Экономику запретить? Да это же важнейшая часть жизни сегодня!

И после паузы:

– Я уж не говорю о том, что все и так лыжи вострят, кто куда... Кто в «Коммерсант», кто в «Сегодня», кто на телевидение. С нашими зарплатами мы людей не удержим.

– Плохо, что вострят. Но все равно нужно сохранить репутацию – и это важнее всего. Есть газеты, где считается нормальным провести расследование, набросать скандальных деталей и потом с набранным уже материалом, с гранками, ехать к какому-нибудь олигарху – якобы за комментарием. А олигарх уже догадывается, что лучший комментарий – это конверт, а в нем тысяч двадцать-тридцать «зелененьких». И материал тогда в газете не выйдет – факты окажутся не до конца проверенными. Некоторые этим даже похваляются. У них, по крайней мере, это централизовано, деньги в редакционную казну текут, а не в карманы отдельных шустрых сотрудников. Но у нас-то другая ниша, нам другое требуется – в долгосрочной перспективе все равно нет капитала сильнее, чем безупречная репутация... Вон, посмотри на английскую «Файнэншл таймс»...

– А что мне на нее смотреть – не в Англии, чай, живем, – поморщился Игорь. – А насчет долгосрочной перспективы – позволь напомнить тебе цитату из твоего любимого, английского опять же, экономиста: «В долгосрочной перспективе мы все – мертвецы». А жить-то надо сейчас, и питаться тоже, и лечиться, и детей на море возить.

Данилин смотрел сквозь окно своего шикарного кабинета на Пушкинскую площадь, на потоки машин и людей и ежился от тоски. «Наверно, на самом деле я уже не журналист, а что-то другое», – думал он. Ему даже казалось иногда, что журналистов он ненавидит, что эта профессия ему отвратительна.

А ведь когда-то гордился принадлежностью к гильдии. Как завидовал Игорю, когда тот вдруг рванул и стал первым замом ответственного секретаря! Ключевая фигура в формировании номера, в подборе запаса и так далее. В каком-то смысле важнее иных редакто-

ров отделов. Со спецкором Данилиным новый начальник держался снисходительно: дескать, смотри, не зазнаюсь, общаюсь почти на равных. Помню, как оба в стажерах ходили. Но наглеть тоже не надо, если видишь, что с членами редколлегии и обозревателями за столом в кофейне сiju, подсаживаться не обязательно. А если все же подсел на свободное место с краю, так в беседу не вступай, тут и без тебя люди очереди ждут, чтобы словечко ввернуть, показать себя интересными и крутыми собеседниками.

А теперь вот вам, пожалуйста, все перевернулось. Почему-то именно он, Данилин, сидит в массивном редакторском кресле, а где Игорь? А он – напротив, на стульчике приютился и знай бубнит про третью полосу и другую скучную текучку. И при этом прикрывает всяких халтурщиков. И пьет, как лошадь, судя по внешнему виду.

Когда социализм кончился, «Вести» удалось быстренько приватизировать. Дело это было тяжелейшее, склочное, темные страсти кипели, дружбы многолетние распались, вечерашние бессребреники впадали в публичные истерики по поводу лишнего десятка акций.

Создали сначала товарищество, которое затем стало акционерным обществом закрытого типа. На практике это означало, что акции полагались всем штатным сотрудникам и даже недавно вышедшим на пенсию – в обмен на ваучеры и на наличные деньги. Но не всем раздали поровну, о нет! Система была придумана такая – каждый запрашивал себе любое количество «от фонаря». Потом общее число запрошенных акций разделили на реально имеющиеся в наличии (а кто решил, сколько всего должно быть акций, и зачем такие уж жесткие ограничения – непонятно).

Разделили – вычислили коэффициент. То есть, например, просили вы сто двадцать акций, но коэффициент оказался равен трем. Значит, вам полагается сорок акций.

Данилин был в тот момент всего лишь одним из членов редколлегии, да еще по заграничным командировкам много мотался. Ошалевшие от новой российской открытости иностранцы поначалу рвали на части – звали на бесчисленные конференции, форумы да рауты, дорогу и отели оплачивая. Поэтому самый болезненный момент в жизни коллектива он почти упустил, прогулял, не заметил. Вдруг осознал: отношения стали другими.

Да и на кухню, где приватизация варилась, Данилин допущен не был. Но кто-то все же шепнул ему, проси, мол, как можно больше. Но что значит больше? Больше – это сколько? А если примерно столько и дадут, сколько просишь? Откуда же столько денег взять? Невдомек было, что деньги в таком случае надо брать где угодно и под какие угодно проценты. Потому как те, кто был «в курсе» и соответственно поступил, обеспечил себя на всю жизнь, некоторые даже купили дачи на Рублевке и прочее. А остальные... остальные остались наемными писаками. Ну, или, в крайнем случае, наемными управленцами, как Данилин.

А потом еще скупка-перекупка началась. У вдов и пенсионеров. У наивных уборщиц и машинисток. У алкоголиков. Просто у бедствующих или ничего не понимающих. Данилин своих шестнадцати акций никому не продал, но ничего ни у кого и не покупал. Остался при своих.

Вся штука, вся фишка состояла в том, что вместе с газетой акционерное общество за просто так получило в собственность также и «необходимые для производственного процесса рабочие помещения». То есть применялся тот же принцип, что и при приватизации заводов или фабрик. Но только в данном случае речь шла не о задымленных и обшарпанных заводских корпусах на дальней окраине, а о шикарном огромном здании в самом центре Москвы.

У Данилина не было внутренней уверенности в праведности такого образа действий редакции. Ну да, допустим, на приватизацию торговой марки «Вестей» они имеют моральное право. И на Западе прецеденты есть. Французская «Монд», например. Но вот шикарное здание в самом центре Москвы... Разве они, журналисты, его строили или стройку оплачивали? Но сомнения эти Данилин не очень афишировал, тем более что энтузиасты привати-

зации говорили ему: это единственный способ обрести настоящую редакционную свободу. Не зависеть ни от государства, ни от банков, ни от олигархов. Сами себе хозяева! Полностью свободны говорить правду. Разве это не оправдывает всего остального? На это Данилину нечего было возразить.

Скоро стало понятно, что именно здание, с его колоссальным коммерческим потенциалом, а не газета, с ее знаменитым брендом, представляет собой главный капитал акционерного общества.

Но это же обстоятельство делало газету вдвойне привлекательной для хищников. «Вестям» еще относительно повезло. Во-первых, значительную часть акций успела скупить сама редакция. Во-вторых, появился, откуда ни возьмись, некий «добрый волшебник», человек по имени Сергей Щелин, никому до тех пор в журналистском мире не известный. Не то чтобы олигарх, но почти.

3

Разные слухи ходили о том, как именно Щелин так быстро заработал свой капитал. Например, одна из версий была такая: он имел большие связи, с одной стороны, с лагерно-тюремным начальством, а с другой – во всяких спецслужбах. Первые устроили ему за смешные деньги огромное количество колючей проволоки, которой с крушением Советского Союза почему-то оказался колоссальный избыток. А вторые организовали ему практическую монополию на поставку того же замечательного продукта в страны Африки, которым, напротив, колючей проволоки требовалось бесконечное количество. Были у Щелина, возможно, и третьи связи, позволившие ему получить льготные кредиты на финансирование всей схемы. Ну и с таможенной тоже кто-то якобы помог ему разобраться, чтобы проволока была отнесена к категории военно-стратегического экспорта, обложению пошлиной не подлежащей.

А уж маржа на этой самой проволоке образовалась такая, что легко было и первых, и вторых, и третьих щедро отблагодарить. Хватило и на то, чтобы надзирающие органы успокоить и потенциальных конкурентов придушить в зародыше.

Другие версии происхождения щелинских денег банально увязывались с торговлей ломом цветных металлов и жидкостью из устий нефтяных скважин. Но это принято почти всем богачам приписывать. Версия с колючей проволокой казалась более экзотической, а потому и более интересной, и журналистскому люду хотелось верить именно в нее.

Так или иначе, но вдруг появился сибиряк Щелин в Москве с немереными деньгами и без ясного представления о том, что именно с ними делать дальше. Хотел вроде бы театр купить, поскольку был, кажется, режиссером по образованию. Но раздумал. Обратил свой взор на средства массовой информации. Был он, оказывается, подписчиком «Вестей» в третьем поколении, для него это название в детстве было синонимом слова «газета». И почти синонимом слова «Москва».

Подумал он – вот это будет круто! И перекупил по случаю изрядный пакет акций. А потом пришел в газету и сказал: у меня одна задача – помочь сохранить вашу редакционную независимость. Чтобы сам журналистский коллектив, прямо как во французской «Монд», определял свою стратегию и редакционную политику и соответственно выбирал себе руководителей. Но не хотелось бы, говорил он, чтобы вы превратились в очередной «Московский комсомолец» или в «Комсомолку». Нужна же России хотя бы одна серьезная, качественная газета, своя «Нью-Йорк таймс». Но желательно при этом, чтобы она все же окупалась как-нибудь, а со временем и доход какой-никакой приносила. Так что давайте работать вместе в этих параметрах.

И вот теперь от Щелина и его верности заявленной программе очень сильно зависела судьба газеты, которую рвали на части всякие могущественные силы, и частные, и государственные. Как это так, залоговые аукционы идут, а они ни при чем, а они – нейтральные, целку из себя строят, понимать... Да и выборы президентские не за горами, а они что-то не определятся никак: за красных они или за белых, на коммунистов будут работать или на Ельцина? Как это – ни на кого? И неужели никто их к рукам не приберет? Да так не бывает!

– Ну и что твой Щелин? – словно прочитав мысли Данилина, вдруг спросил Игорь. – Все темнит? Все редакционной независимостью клянется? Я вот слышал, что он с солнцевскими связался.

– Щелин – с бандитами? Никогда не поверю! – возмутился Данилин. – Я понимаю, что ты его не любишь, имеешь полное право, но повторять такие идиотские сплетни... негоже, ой негоже, товарищ ответственный секретарь!

– Но под кого-то ему все равно лечь придется. То ли под солнцевских, то ли под чеченов, то ли под Березовского... Ведь самому ему не выстоять.

– Да с чего ты взял?

– Вот увидишь, что случится в самое ближайшее время. Подойдет очередной залоговый аукцион, и придет, стало быть, к нам наш благодетель да попросит так конфузливо: вот этот материальчик не надо бы ставить, ребята, а? Или, наоборот, вот это бы напечатать надо, позарез. То есть я всей душой, завсегда за журналистскую независимость, никогда не вмешивался и впредь не буду. Но тут такое дело... По дружбе прошу, вот один этот, единственный разочек, ну что вам стоит, а? Тут-то мы и узнаем, кто есть кто. И про тебя тоже, может быть, что-нибудь новое узнаем, Лешенька. Потому как интересно будет услышать, что ты ему в ответ на это скажешь.

– А ты сомневаешься? – Данилин так вдруг разозлился, что почти закричал. – Пошлю, конечно, далеко пошлю, прямо к такой-то матери! Никаких исключений! Стоит коготку попасться, так и всей птичке пропасть! Разок уступишь, и все, поминай как звали...

– Юпитер, ты сердисься, значит, ты неправ, – сказал Игорь. Потом помолчал немного и добавил: – Самое смешное, что он может вовсе и не к тебе с этим прийти, а, например...

– Например, к тебе?

– Например, ко мне. Или к Ольге...

– Ну при чем тут Ольга!

– ...или еще к кому-нибудь... Вот тогда уж будет «джинса» так «джинса»...

Теперь они оба молчали и, не сговариваясь, тоскливо смотрели в окно.

После изгнания прежнего руководства главного редактора выбирал коллектив. И главным выигранным моментом для Данилина было именно то, что на приватизации родной газеты он ничего не заработал. А главным соперником на выборах был, естественно, Игорь. Который кое-что заработал, но не то чтобы очень много. Но все-таки раза в два больше акций урвал.

Данилину помогал оплаченный Щелиным грамотный, учившийся в Америке, пиарщик, который так лихо выстроил предвыборную кампанию, такие листовки сочинил, что Игорь со своей простодушной проповедью на тему «да вы же все меня знаете, да вы же со мной столько лет работаете, я не подведу» не имел шансов. Пиарщик бил на бескорыстие Данилина и его неучастие в интригах – раз, на его западный опыт и связи с английскими издателями – два, и на четкий стратегический план, своего рода «500 дней» для «Вестей», – три.

А Игоря все действительно знали, уважали, но побаивались и считали грубоватым и слегка высокомерным.

Так что вполне возможно, что мог Данилин победить и без всякого пиарщика. Так он, по крайней мере, себя утешал.

А вот почему Щелин к нему, Данилину, так воспылал, почему именно только его хотел видеть во главе газеты, вот это оставалось до конца неясным. Про пиарщика, кстати, Щелин только после выборов признался, когда поздно было отказываться. А так принес как-то план кампании грамотный и текст листовки – гениальный. Пробормотал что-то вроде: «Один умный мужик тут мне насоветовал». Данилин повертел тексты в руках, признал гениальность. Посомневался, покряхтел и решил воспользоваться – что добру пропадать! Убрал из листовки пару преувеличений, гадости про Игоря вычеркнул. И все, отдал своим добровольным помощникам из отделов писем и проверки для размножения.

И выборы выиграл, причем с большим довольно перевесом.

Щелин подкрепил победу дополнительными инвестициями, оборудовал газету современной компьютерной версткой и сетью для редактирования и подготовки текстов к печати. Охрану новую нанял – вежливую и жесткую (никаких больше друзей детства сотрудников,

а также их тетушек и племянников, шляющихся по коридорам!). Ремонт кое-где текущий оплатил и так далее.

А то, что «500 дней» в основном не сбылись, это так объективные обстоятельства сложились. Нет, ну правда же! Данилин на каждом собрании винился и подробно объяснял, что и почему. Но кое-что ведь и сбылось. С рекламой не так уж плохо, тираж упал – но не так резко, как у конкурентов. Живем своим умом и своим трудом и так далее. И главное – перспективы, перспективы есть!

Но теперь вот славные перспективы оказались под вопросом. Во-первых, сгоряча перепечатали из итальянской газеты заметку о личном состоянии российского премьера, непонятно насколько проверенную и насколько соответствующую действительности (вот она, Игорева любимая молодежь!). Сам Данилин был в момент публикации за границей, а Игорь делегировал ведение номера Ольге, а та положила на Чаброва... Теперь отношения с правительством были безнадежно испорчены и оттуда поступали сигналы «дружественным» компаниям – что хорошо бы, дескать, взять необъезженные «Вести» наконец под уздцы... В этой обстановке могущественный, с огромными связями наверху «Эм-Банк» принялся все-речь скупать акции газеты. Правда, у редакции, у Щелина, у Ольги, Игоря и еще двух-трех коренных сотрудников (например, коммерческого директора Гонцова) вместе набирался блокирующий пакет, который не давал никому овладеть газетой. Но стоило одному из них дать слабину, и пиши пропало.

Каждый божий день Данилин встречался со всеми главными действующими лицами этого списка, профилактическую работу проводил, обещал фантастические дивиденды в этом году выплатить. Держал коллег за руки, что называется, в глаза проникновенно заглядывал... Вот и с Игорем даже нельзя поругаться толком – а вдруг обидится да акции «Эм-Банку» продаст?

Да черт с ним, пусть делает что хочет со своей третьей полосой, далась она мне, подумал Данилин.

Ну и отвлечь бы его чем-нибудь таким увлекательным. Например, письмом вот этим. Игорь почитал письмо, повертел его в руках, понюхал за чем-то.

Наконец сказал:

– Духами хорошими пахнет... Но вообще, чушь собачья, выбрось ты его в корзину.

– Ты уверен?

– Абсолютно! Это или сумасшедшая, или просто дура писала. Или даже розыгрыш такой. Выкинь и думать забудь. Мало ли писем в редакцию приходит, вся разница, что это из Англии. Якобы. А то, может, и за углом тут где-нибудь сочиняли. Знают, что ты к Туманному Альбиону слабость питаешь.

Вряд ли ответсек настолько владел английским, чтобы до конца понять письмо, а тем более оценить уровень языка, но суть дела, наверно, уловил.

Данилин письма пока выбрасывать не стал, положил его на краешек стола. Все гениальные Игоревы идеи утвердил быстро и без поправок, даже безумный проект про мусорные свалки, лишь бы избавиться от него поскорее.

Но только тот ушел, как в дверь тихонько поскреблись, и сердце Данилина екнуло – этот характерный звук он знал уже наизусть.

4

В прошлый раз он долго притворялся, что не слышит, но это ничего не дало, только секретаршу, наверно, обескуражило. Стоит человек за дверью главного редактора и скребется! «Могу же я, в конце концов, и по телефону разговаривать, даже и по вертушке, по правительственной связи, может быть! Почему я должен на каждый звук немедленно реагировать?» – рассуждал он сам с собой. Но все же на этот раз решил эксперимент больше не повторять, сразу откликнулся, сказал громко и ясно: «Да-да!»

Ольга вошла, беззвучно закрыла за собой дверь, молча пошла к окну, уселась на подоконник.

– Доброе утро! – деловым тоном сказал Данилин. По крайней мере, он надеялся, что он так звучит: делово. Не фальшиво. Хотя быть не фальшивым в такой ситуации – это вообще нечто сверхчеловеческое.

– Привет, – вдруг сказала Ольга, ни к кому вроде не обращаясь – так, в воздух перед собой. – Мне надо бы в Прагу съездить, пивка попить.

– А кроме пивка, что там?

– Да с Гавелом можно интервью получить.

– А Гавел – это сейчас важно?

– Гавел – это всегда важно. А перед выборами тем более. Когда у нас опять коммунисты маячат.

– Ну, поезжай. Я подпишу. Только ты там, знаешь, поскромней, без пятизвездочных отелей, пожалуйста.

И воцарилась тишина. Ольга сидела себе на подоконнике, смотрела на Пушкинскую площадь, будто никого, кроме нее, в кабинете не было. А Данилин старался не смотреть на ее длинные ноги – надо же, черт возьми, такую фигуру модельную иметь! Ну и шла бы себе на подиум, вместо того чтобы в журналистике маяться. Хотя на какой еще подиум в тридцать-то лет, да с ребенком...

Ольга с живейшим интересом рассматривала движение транспорта на Пушкинской и молчала. С этой ситуацией Данилин обычно не знал что и делать. Но сегодня был исключительный случай. Сегодня у него было письмо.

– На вот, почитай. Если чего не поймешь, я переведу.

Ольга нехотя слезла с подоконника, уселась в кресло у данилинского стола и взяла помятые листочки в руку. Наморщилась. Стала читать. Вздохнула. Сказала:

– Бред сивой кобылы. На что ты время тратишь?

– А вдруг – правда?

Ольга засмеялась. Сказала:

– Выбрось в корзину.

Помолчала. Потом решила, видимо, все же удостоить объяснением.

– Даже если допустить, что это правда, кому нужны сегодня эти истории времен «холодной войны»? Ну давай, давай поверим ей на слово на минуту. Допустим, действительно мужа этой англичанки – как, бишь, зовут ее? По-итальянски как-то... Джульетта, что ли?

– Нет, Джулиет. Английский вариант того же самого. Но, судя по подписи, в жизни ее зовут просто Джули...

– Пусть будет Джули. Пускай это правда – хотя я, например, уверена, что вранье. Пусть ее мужа-фотографа на самом деле похитил КГБ. Ну и что? Что с того-то? Кому это интересно? Мало ли что все эти разведки творили в то время. Куда как покруче дела! И убийства президентов, и массовая дезинформация, и подкуп, и государственные перевороты... Вер-

бовка членов правительств. Подкуп газет... Почитай, что делалось! И КГБ, и ЦРУ, и «Моссад»... Страшные тайны, гигантские суммы, погоня за военными секретами, за оружейными новинками... И зачем им вдруг сдался какой-то фотограф в глухой английской провинции, а? На фиг он вообще им понадобился? С какого такого перепугу?

– Нет, но ты, наверно, не поняла! Эта женщина, Джули, еще на что-то намекает, на некую тайну...

– Да какую еще, на фиг, тайну! Провинциальная курица, вот и все. Нашел себе ейный мужик новую бабу помоложе да покраше и сделал ноги! А ей, бедняжке, КГБ померещился. Похищение, видите ли, киднеппинг среди бела дня... Она ведь сама никакого похищения не видела?

– Не видела...

– Ну, вот видишь! Какой-то там тетушке, подслеповатой, что-то такое привиделось, какие-то мужики вроде бы затолкали в машину человека, издалика похожего на этого... как его звали-то?

– Карл, – подсказал Данилин.

– Во-во, Карл. Имя-то какое-то не английское.

– Джули пишет, он был австрийцем по происхождению...

– Да хоть швейцарцем! И что? Из-за этого мы сейчас все силы на журналистское расследование бросим? Расследование чего, собственно?

– Ну, если ты действительно все в письме поняла, Оля, то там есть кое-какие оригинальные моменты и странности, которые заставляют предположить...

– Да нечего там понимать. И предполагать нечего. Мой тебе совет: не позорься ты в глазах коллектива, а то весь рейтинг на этой дурацкой истории растеряешь.

– Оля, не преувеличивай, пожалуйста! Никто чрезмерные силы на расследование бросать не собирается. Но поинтересоваться у пары компетентных людей можно.

– Они поднимут тебя на смех, вот увидишь! Послушай моего совета: в корзину, в корзину, в корзину – и немедленно!

Под столом у Данилина стояла весьма вместительная и выдавшая виды плетеная корзинка для бумаг, в которую умещались и прочитанные за день газеты, и ненужные письма, и всякие другие бумажные отходы. Считалось, что она сплетена каким-то хитрым способом из особым образом обработанного, сверхпрочного дерева, а потому и сохранилась с довоенных времен. Кто-то даже пустил слух, что она когда-то принадлежала самому Бухарину, и Данилину нравилось в это верить. А потому, несмотря на ее весьма потрепанный вид, он ни в какую не соглашался заменить корзинку на что-нибудь более современное.

Вся редакция об этом знала, а потому было в ходу выражение «в бухаринскую корзинку» или даже просто «к Бухарину». Что означало: главный материал зарубил, не пропустил заметку или не разрешил статью печатать.

– Отправь эту чушь к Бухарину, Алеша, и займись лучше выборами, – подвела итог Ольга и протянула ему письмо с таким брезгливым видом, будто ей даже держать в руках его было противно.

Чем сразу же напомнила Данилину Татьяну. Но только у той процесс прошел в обратном направлении – от брезгливого недоверия к живому интересу. Но вот как раз Таню лучше было бы сейчас не вспоминать.

– Ну ладно, ладно, может, ты и права, – примирительно сказал Данилин.

– Права, права, не сомневайся!

И точно выключатель в ней повернули: Ольга словно опять потеряла всякий интерес и к Данилину, и к письму, и к кабинету. Снова смотрела в окно, молчала. Наконец точно опомнилась. Сказала:

– Ну, я пойду Прагу оформлять?

– Иди. Только с Игорем сроки согласуй, а то я не знаю, как у него там с графиком дежурств.

Ольга встала, отодвинула стул, повернулась и пошла к двери, но даже эти самые простые движения были так грациозны, так естественны, как это бывает только у молодых, сильных, красивых животных. Данилин смотрел ей вслед не таясь и попался: у самой двери Ольга вдруг обернулась. Что-то, кажется, мелькнуло такое в ее взгляде: то ли удивление, то ли презрение, то ли злорадство. То ли все, вместе взятое. А может, это Данилину только показалось. Просто посмотрела сотрудница на прощанье на начальника – не передумал ли в командировку отправлять? И ничего больше. А он-то развоображался...

– Пока, – сказал Данилин вдруг охрипшим голосом.

Но этого она, впрочем, уже не слышала, дверь-то уже закрылась.

5

День был, как всегда, полон суеты, бессмысленных препирательств и бесконечных телефонных переговоров – даже при том, что Валентина замечательно фильтровала звонки. К тому же пришлось разруливать конфликты: заведующего корсетью с экономическим отделом и международников – с секретариатом. Экономотдел как-то не так напечатал две последние заметки казахстанского корреспондента, а Игорь снял скучнейший материал великого борца за мир. Мало того что международный отдел ярился, так еще и сам лично великий гуманист обрушился на Данилина по «вертушке». «Я, – кричал он, – никогда больше не напишу вам ни строчки и всем друзьям с вами дело иметь отсоветую!» Данилин же держал себя в руках, извинялся холодно-сдержанно, но позиций не сдавал и про себя думал: «Ну и славно, ну и оставь нас своим вниманием, индюк надутый».

Почему он, Данилин, вечно должен отдуваться за чьи-то чужие решения? Должность у тебя такая, вот почему, за это тебе деньги платят, и немалые, говорил в таких случаях Игорь и был, конечно, прав. Теперь я кто угодно, только не журналист, думал Данилин. Административные дела, да, экономика газеты, еще как, ну и вот дипломатия – вверх, вниз и во все боковые стороны, это сколько угодно. А журналистика? Ну, разве что совсем чуть-чуть.

Вот, наверно, почему еще история с письмом казалась такой притягательной – все же она относилась напрямую к добыче материала. И какого материала!

Между легучками и собраниями пробился к Данилину Миша Филатов – военный корреспондент. Когда-то он был прикреплен к «Вестям» от Главпура – политического управления Советской Армии. Когда Главпура, вместе с КПСС, не стало, Миша должен был сделать выбор – либо возвращаться в армию с весьма смутными перспективами, либо уволиться и остаться в газете. Элементарный здравый смысл подсказывал второе. Но помимо материальных соображений, Мише вообще вольная штатская жизнь в «Вестях» пришлась по душе, а он в свою очередь понравился коллективу – легким, незаносчивым характером, грубоватым чувством юмора, работоспособностью. Его связи в военной системе, в том числе в разведке, были очень газете полезны. Ну а политические взгляды... Не был, конечно, Михаил записным либералом, вовсе нет, но и на идеологию не был заморочен, смотрел на это дело легко, как на нечто факультативное. «Есть же у нас свобода вероисповедания? – говаривал он. – Ну и пусть себе каждый верит во что хочет, хоть в коммунизм, хоть в антикоммунизм, хоть в бабаягизм, да на здоровье! Главное, чтобы это делу не мешало, а также здоровому питанию и умеренному, но регулярному употреблению коньячка и водочки!»

Иногда Данилину казалось, что Миша отчасти прав. Кто знает, может, далеким потомкам наши идеологические распри тоже покажутся чем-то столь же абстрактным, как нам сегодня средневековые споры вокруг каких-то церковных догматов и ритуалов. А ведь жившим в ту пору их идеологическая борьба тоже представлялась чем-то сверхважным, вопросом сути бытия, жизни и смерти. И в самом деле из-за этих различий убивали, сжигали живьем, кончали с собой.

В тот день Миша пришел напомнить об обещанном повышении зарплаты – ведь он фактически работает как спецкор. А получает чуть ли не как стажер. Раньше это все компенсировалось надбавками за звание и за выслугу лет. Но теперь-то на гражданке, и при мизерных гонорах, стало тяжело семью кормить...

Данилин обещал вернуться к вопросу о Мишиной зарплате, но заодно решил письмо ему показать. Миша учил английский в школе, а потом еще продолжал в Военно-политической академии. Но практики у него не было. Вдобавок он никогда не сталкивался с рукописными текстами. А потому, читая, долго морщил лоб, шевелил губами, хмуро смотрел в окно, что-то вспоминая. Потом говорил: а это что за слово? Что-то почерка не пойму. Или: ага, это

киднеппинг, это ежу понятно... Ну, КГБ, он и в Африке КГБ... Кей-Джи-Би по-ихнему... А вот это что? Аунт? Онт? Тетушка, при чем тут, к ляду, какая-то тетушка? А вот это что за слово? Хевиз какие-то... Крепкие такие ребята, да? А я, стало быть, тоже могу под таким названием фигурировать? Я что – «хеви»? А я думал, я – чмо, то есть этот, мачо... Ну, то есть я и то и другое, я же в Зеленограде живу... А это еще что такое – фагз? Ну да, звук межзубный – сроду я не мог язык так просовывать – гадость вообще... И зачем, спрашивается, так над речевым аппаратом издеваться?

Наконец одолел Миша вроде письмо.

– Фу, – говорит, – надо дух перевести. Впервые в жизни настоящее английское письмо прочитал, от настоящей англичанки... Если, конечно, оно и в самом деле настоящее...

– Сомневаешься?

– А вот бог его знает... Трудно сказать. Глупостей много. Значит, вряд ли подделка. Но может, и того – ку-ку тетенька... Как это по-английски будет – га-га?

– Ух ты, какие выражения знаешь! – восхитился Данилин. – Правда, это самое га-га, то есть легкий маразм, обычно в более преклонном возрасте случается...

– А еще я знаю: гон офф хе роккерз – с катушек слетела!

– Ну ты, Миша, даешь! В былые времена я бы тебе за такое сразу надбавку за знание языка назначил...

– Вот и назначь, Палыч, ей-богу назначь!

– Ну, десять процентов, что за язык полагались, тебя вряд ли устроят...

– Да уж, мне бы как за два языка или лучше за четыре...

– За четыре советская власть не платила, считала, что двух западных достаточно – или одного восточного... Ладно, ладно, вернемся к этому вопросу, я же обещал... А ты тем временем, может, наведешь все-таки справки, так осторожненько... через свои контакты? Был такой случай или нет?

– Ох, Алексей Палыч, не обещаю, если честно... если вранье, то на смех поднимут, а если правда, то стремно выяснять-то... как бы не напороться. Тут если только с человеком, которому очень доверяешь...

– Ну, смотри, если какая-то возможность представится... а так, конечно, рисковать не надо... А еще, слушай, ко мне сейчас генерал Трошин придет по другому совсем поводу... Можно ему показать, как ты считаешь?

– Ух, бог их знает, этих кагэбэшников, если честно... Они же все не просто так, они чуть-чуть с вывертами... Причем иногда чуть-чуть, а иногда совсем даже и не чуть-чуть... Никогда не знаешь, верить хоть слову или нет. Смотрит он на тебя и думает, в чем твоя слабина, на чем тебя взять можно. Они, может быть, и рады расслабиться с друзьями, но нет, не могут. Один мне рассказывал: смотрю на свою жену и думаю, ага, вот на этом можно бы ее и вербануть. А потом опомнюсь, тьфу ты, это ж жена, чего ее вербовать-то.

– А что, в этом что-то есть: уметь вербовать жену. Ну, или любовницу...

– Хотя бывают исключения, есть, конечно, классные ребята. Сами над этой своей привычкой к манипулированию смеются... У меня там, в Первом главке, у самого дружан был закадычный... А теперь на пенсии уже, в частном секторе деньжищи гребет.

– Ну а Трошин-то что?

– Ну я так, обрывки слышал... Проколотся вроде на одном перебежчике высокопоставленном, а то его на смену Крючкову прочили... Долго сидел на управлении «С» – это значит, нелегальная разведка. Должность тяжелая и неблагодарная.

– Нелегальная – это что: глубокое прикрытие, что ли?

– Не... глубокое прикрытие – попроще будет. Это когда явных связей с легальной резидентурой нет...

А нелегальная – это уже суперглубина, это уже Марианская впадина разведки... Берется какой-нибудь Ваня, к языкам талантливый и к авантюрам склонный... С юных лет начинают его учить, тренировать, делают из него супермена с нечеловеческой реакцией и памятью. Строят для него целый маленький городок – американский, английский, испанский или еще какой. И там наш Ваня живет много лет, по-английски, например, только и говорит, и думает тоже. И быт впитывает, и привычки, и знание культуры. Выражение лица и даже чувство юмора приобретает соответствующее и все остальное. И становится он уже Джоном, а не Иваном, и забрасывают его потом нелегальным образом куда-нибудь в американскую глубинку, и начинает он постепенно карьеру делать уже в том обществе. И непременно преуспевает, он же очень талантливый, за то и отобран! Один из самых знаменитых у них был Гордон Лонсдейл, он же Конон Молодой, белорус. Так он такой был гений, что, во-первых, быстренько там миллионером стал, а во-вторых, западные разведки его стали наперебой завлекать. Видно, написано на нем было: блистательный разведывательный материал! Но скажу тебе, Палыч, за все надо платить! За то, что они над собой проделывают, и за эту жизнь двойную тоже расплата бывает неслабая. Они со странностями, непредсказуемые, даже диссидентами могут стать. Из ортодокса ведь настоящего нелегала не сделаешь! То есть притвориться он может, это без проблем, они все большие актеры... Вот Молодой, когда его англичане поймали, а потом наши его выменяли на британского разведчика, – так он чуть ли не антисоветские разговоры стал вести. И это ему не так в Союзе устроено, и то не в масть. И умер потом в сорок с чем-то при странных каких-то обстоятельствах. А то представляешь конфуз-то какой, щит и меч партии – и вдруг живая легенда этого щита и меча советскую власть по кочкам несет, чуть ли не за капитализм агитирует...

– Ну хорошо. Значит, и Трошин – тоже не ортодокс?

– Нет, этот из другой породы... Он же начальник...

«И я уже не журналист, а начальник», – не к месту подумал Данилин.

– ...начальник, а не оперативник, – продолжал между тем Миша. – Он резидентом служил в Париже, вроде и в Японии, а резиденты – это уже должности партийно-политические и отчасти полицейские... Хотя, говорят, любит он переодевания, маскировки, хитрые легенды... Еще вроде гениально французским владеет, может хоть за парижанина сойти, или за человека с юга, из Прованса, например. Ну и еще языков пять прилично знает.

В общем, после такого рассказа любопытство Данилина совсем разгорелось.

Генерал Трошин только совсем недавно, в 93-м году, был отправлен в отставку. Но он так долго возглавлял самое таинственное подразделение разведки, что должен был, видимо, считаться прототипом Карлы – гениального мастера замысловатых шпионских игр, страшного паука, плетущего паутину по всему миру в романах Джона Ле Карре. Данилин ожидал увидеть зловещего типа с тяжелым, магнетическим взглядом, прожженного циника, манипулятора, не лишеного некоего темного обаяния...

Все оказалось совсем не так. Старичок был на вид совсем обыкновенный, без тени демонизма и адского шарма. Моргал маленькими синими глазками, смешно качал головой. Говорил банальные вещи.

В редакцию его привела обида на новую российскую власть, да и на Горбачева тоже, вообще на всех этих предателей, разваливших великую страну.

И более всего на коварное ЦРУ, которое, конечно, все это придумало и осуществило. Теперь этот подлый заговор генерал хотел разоблачить на страницах «Вестей».

Данилин знал, что статью генерала уже отвергли несколько других газет – в том числе и «Известия», и «Комсомолка». Но, пробежав глазами текст, был поражен. Все-таки ожидал от такого генерала чего-то более изощренного. Написанное же походило на передовицу «Правды» семидесятых годов, да и то правдисты иногда все-таки умели выражаться поизыщнее.

«Не может же быть, чтобы человек такого масштаба столь примитивно мыслил! – гадал Данилин. – Просто у них там, в их сверхсекретных глубинах, тоже, наверно, на партсобраниях привыкли говорить на особом птичьем языке. И вот он полагает, что для газет и сегодня нужно писать только так».

Но развивать журналистские таланты бывшего шефа нелегальной разведки Данилин не собирался. Он придумал другое – напечатать все так, как есть. Но напечатать не просто так, а в обмен на шпионскую «клубничку». Как пригодился бы сейчас газете эксклюзивный сериал про невероятные деяния и тайные комбинации из истории разведки! Пусть из достаточно далекого прошлого, и пусть имена и страны будут изменены – не в этом же суть. А дело в приключениях, в прикосновении к тайне.

Генералу предложение Данилина пришлось по душе, он расслабился, заулыбался, позволил угостить себя английским чаем. Сказал, что немедленно начнет работать над серией статей о подвигах советских нелегалов.

– Только, пожалуйста, без идеологии, – попросил Данилин. – Подвиги – да, но идеология пусть останется в вашей первой статье.

– Я понимаю, – сказал генерал и закачал головой.

«Не показать ли ему письмо? – вдруг подумал Данилин. – Или не стоит? Как-то несолидно – откровенную чушь совать профессионалу такого уровня, вдруг еще презирать меня будет».

Но все же решился – что с журналиста взять, в конце концов! – протянул листочки Трошину.

– Вот, Леонид Юрьевич, надо мной коллеги смеются, говорят, я зря время трачу на ерунду... Наверно, наивно с моей стороны, но вы все-таки взгляните краем глаза, успокойте мою душу. Подтвердите, что чепуха, сказки, и я тогда это письмо прямо в корзину отправлю.

Генерал взял листочки, почитал, лицо его ничего не выражало. Потом вдруг сморщился, точно кусок лимона проглотил, закашлялся...

– Извините, – сказал. – Никак от гриппа еще до конца не оправлюсь. Налетает...

Генерал достал платок, высморкался. Вернул письмо Данилину. Сказал как бы между прочим:

– Выбрасывайте. В корзину.

– Я так и думал, – сказал Данилин. – Извините, что ваше время на такую муру потратил.

Он взял письмо, подержал его несколько секунд над корзинкой, словно все еще колеблясь, потом разжал пальцы... Письмо улеглось на старые распечатки и другой собравшийся за день бумажный мусор. Корзинка была уже наполовину полна.

Генерал сидел напротив и внимательно наблюдал за происходящим и даже на плетеную корзинку посмотрел долгим изучающим взглядом.

Выбросив письмо, Данилин облегченно улыбнулся, и генерал улыбнулся ему в ответ.

«Все-таки не лишен он какого-то обаяния, хоть и странного, – думал Данилин. – Недаром говорят, что подчиненные его всегда любили».

Из-за нервозности с очередным обращением Ельцина Данилин предпочел дожидаться сдачи номера, хотя подписывал его Игорь. Но в какие-то моменты надо быть на месте, с коллективом. Не уваливать от ответственности. Уже начинало темнеть, когда Данилин смог наконец вырваться из редакции, но надо было решать – ехать домой или на приемы. Звали на этот раз к голландцам и в кувейтское посольство, да еще и на тусовку в «Мостбанк». Конечно, на часах уже было восемь, а звали кто к семи, кто к половине восьмого. Но на такие мероприятия можно в принципе и опаздывать – иначе что делать профессионалам, которым надо побывать на нескольких приемах за вечер?

Причем профи эти бывают двух категорий. Одна – несчастные халявщики, кому больше негде толком выпить и закусить. А вот другая – люди серьезные, которым по разным

причинам надо отмечаться повсюду. В жизни Данилина (изредка, к счастью) тоже случались такие совпадения, когда нельзя было обидеть друзей – японского посла, например, но и на тусовке в братской газете «Сегодня» нельзя было не появиться. Но вот некоторым несчастным политикам и дипломатам регулярно приходилось этим делом заниматься: перетаскиваться с одного раута на другой – вот тоска!

И ведь подумать только: когда-то давно Данилин приемы очень любил, каждый из них был для него большим событием. Западные напитки и необычная еда, вся атмосфера светского раута фантастически контрастировали с заскорузлым советским бытом. Это было прикосновение к какой-то другой, почти голливудской жизни и невиданной свободе. Особенно стало приятно ходить на приемы в последние годы существования Советского Союза, когда уже не нужно было ни у кого разрешения спрашивать и стало возможным разговаривать с иностранцами, не оглядываясь по сторонам. Да еще такую правду-матку им в лицо резать, чтобы у них глаза на лоб вылезали.

Но постепенно новизна этого занятия поблекла, приемы стали рутинной, поднадоело однообразию разговоров, да и угощений тоже. Поестъ толком редко удавалось – все время приходилось беседы вести. Спасибо еще жене Татьяне – та яростно боролась против данилинского гастрита и бдительно следила за тем, чтобы в руках у мужа обязательно была тарелка, а в ней какое-то содержимое. В переходе от одного собеседника к другому нет-нет да и удавалось что-нибудь из этой тарелки склевать.

Иногда приемы, правда, оказывались необыкновенно полезны с точки зрения завязывания контактов – причем не только с иностранцами, но и с важными представителями родной власти. С половиной депутатов Госдумы Данилин на фуршетах перезнакомился. И с министрами и их заместителями удавалось переговорить в неформальной обстановке, вдали от кабинетов, неприступных секретарш и бдительных помощников. Летучие, вроде бы и несерьезные разговоры эти между бокалами вина иногда приносили крайне полезную информацию, договоренности об интервью и так далее. Да и с тем же Щелиным – где состоялось судьбоносное знакомство? Да 14 июля, в день взятия Бастилии, во французском, соответственно, посольстве.

Вот почему Данилин считал своим производственным долгом на приемы все-таки ходить, даже если к вечеру трещала голова и побаливал живот. Правда, с разбором, не на все подряд. К американцам, англичанам, немцам, французам, японцам – обязательно. К остальным – в зависимости от обстановки.

На этот раз Данилин решил отдать предпочтение государству Кувейт. После иракской оккупации и первой войны в Заливе «Вести» считались в этой стране дружественной газетой, а его превосходительство Чрезвычайный и Полномочный, он же по совместительству младший член правящей династии, даже провозгласил Данилина своим личным другом. Это положение обязывало – нельзя было пропускать слишком много званных обедов и фуршетов. А у Данилина, как назло, давно не получалось в посольство заглянуть.

У кувейтцев приемы были не такими массовыми и интенсивными, как в западных посольствах, но зато качественными и хлебосольными. С черной икрой и лангустами. Да и пара интересных гостей обязательно обнаружится, и побеседовать с ними можно будет не торопясь, подробно. И кто-то из правительства может ненароком заглянуть, и из «Яблока» кто-нибудь, может быть, даже сам Явлинский. Или Малашенко, генеральный директор НТВ, один из самых осведомленных людей в Москве, и милая умница Света Сорокина, с которой всегда так приятно поболтать.

Правда, Таня в последнее время на приемы с Данилиным ходить отказывалась, но у кувейтцев его желудок был в относительной безопасности. Выпивки или вообще не будет, или надо будет удаляться в специальное помещение и стыдливо употреблять алкоголь там.

А Данилин был «не по этому делу» и ходить туда ленился. А то ведь бывает, суют бокал в руки, и пьешь машинально, за разговором. А потом голова болит.

Но в главной причине своего сегодняшнего стремления на прием Данилин не хотел сам себе признаваться. Домой-то не очень-то тянет, когда там непонятки. То есть по-хорошему надо бы их попытаться распутать, и поскорее, но после тяжелого дня вряд ли что-нибудь получится. Лучше уж на прием... Посол непременно затащит потом на приватное продолжение, домой попадешь ближе к полуночи, сразу под душ, зубы долго чистить и прочее, а потом нырк под одеяло – и провалиться до утра.

А с разборками лучше выходных дожидаться, уговаривал себя Данилин, не так ли? Или я просто трус? Да нет, ну почему сразу так обзываться? Устал я, вот и все. Каждый имеет право устать.

Только Данилин отъехал от Пушкинской, как уже на бульваре вдруг сообразил проверить наличие приглашения в кармане пиджака. И вот незадача: оказалось, что он взял с собой голландское вместо кувейтского. Ну конечно, его пропустили бы на прием и без всякого клочка бумаги, но вполне вероятно неловкость; с безопасностью у кувейтцев после войны в Заливе стало очень строго, придется, пожалуй, вызывать старшего дипломата какого-нибудь, чтобы личность Данилина засвидетельствовать. Может выйти неловкость.

В общем, решил Данилин вернуться на работу, тем более что особой пробки на Тверском на этот раз не было. Раз-два, и обратно!

В редакции было темно и пустынно, все разбежались уже. Охранник внизу поглядел удивленно; Данилин что-то из вежливости пробормотал такое – типа «я на секунду». Хотя какая охраннику-то разница? Поднялся к себе на четвертый, поковырялся в замке, что-то он все никак не хотел открываться. Подумал: «Надо бы завхозу сказать, чтобы смазал», – но тут как раз замок поддался. Данилин зашел, зажег свет, подошел к столу, кувейтского приглашения нигде не было видно. «Может, я его выкинул по ошибке?» – пришло Данилину в голову. Он полез под стол, извлек корзинку для мусора. Да так и застыл с ней в руке.

Никакого приглашения там не было. Там вообще ничего не было. Корзинка была абсолютно, девственно пуста.

Данилин уселся в свое кресло, на всякий случай перевернул корзинку, потряс. Потряс еще сильнее. Из нее вывалился только обрывок какого-то старого чека. «Это что еще за чертовщина? – соображал он. – Как это может быть так?» Некоторое время Данилин сидел и тупо пялился на корзинку, потом швырнул ее с отвращением на пол, словно ядовитую змею.

Схватил трубку телефона, набрал номер секретарши. «Валя, извини, ради бога, что беспокою вечером, свинство с моей стороны... Скажи, у нас когда уборщицы появляются? В шесть тридцать утра? Это точно? А в моем кабинете когда они работают? Тоже рано утром, перед началом рабочего дня? А исключения бывают? Ну, не знаю, с какой стати, может быть, у них завтра день какой-нибудь особый, профессиональный праздник... и они накануне решили уборку произвести. Не слыхала о таком? Да нет, ничего особенного не случилось... Так, поспорил тут с одним... Ладно, извини еще раз, спокойной ночи».

Данилин вышел в предбанник, разыскал Валино ведро для мусора. Оно было полно до краев. Данилин вывалил все его содержимое на ковер и принялся внимательно изучать. Но ничего там интересного не обнаружил – только газеты, конверты, бланки какие-то испорченные да рваную оберточную бумагу.

Сказал громко вслух, с предположительно эстонским акцентом:

– Эк-кая фигня!

Сложил Валин мусор назад в ведро. Захлопнул дверь своего кабинета торопливо, словно там водились опасные существа, на оба оборота запер замок – чего не делал обычно никогда. И побежал к лифту. Скорее к единственному человеку, которому можно полностью доверять.

Кувейтского посла пришлось обидеть в очередной раз.

6

Сначала Таня решила, что это Данилин трюк такой придумал, метод хитрый применяет, хвост подбрасывает. Поэтому шурилась недоверчиво, смотрела колюче, кривила рот. Запахивала полы халата поплотнее, ежилась. Говорила: «Все, я спать, спать иду». Но в конце концов смягчилась, серые глаза ее потеплели, округлились. Они снова показались Данилину огромными, невероятного цвета, серо-голубой чистой воды, как будто в них горное озеро отражалось. И, как в былые времена, у Данилина на секунду перехватило дыхание. Но он быстро справился с собой, сделал скучную физиономию. Муж актрисы все-таки, не говоря о том, что большой начальник.

Таня уселась на прежнее свое место за журнальным столиком – приготовилась слушать. Вдохнула показательно – дескать, вот на какие жертвы иду, – но уж так и быть, говори.

– Понимаешь, я отсутствовал минут пятнадцать от силы, а то и того меньше. В редакции почти никого не было уже... на седьмом я нашел спортсменов, у них там пьянка, конечно, оказалась... Завтра разбираться с ними придется... Но они явно ни сном ни духом... Внизу охранника допросил, он говорит – нету никаких уборщиц в здании и быть не может в такое время. И знаешь, еще что интересно? На нескольких этажах я посмотрел – у всех мусорные ведра полные, и у спортсменов тоже... А мою корзинку кто-то аккуратненько опорожнил. За десять с чем-то минут, пока я отсутствовал.

– И ты думаешь, что это из-за того письма?

– А из-за чего же еще?

– Ну мало ли... Если им одно конкретное письмо только требовалось, зачем им все содержимое надо было вытряхивать?

– Ну, свет, наверно, зажигать не хотели – иначе с Пушкинской было бы видно... В темноте да в спешке копаться в корзинке не с руки, лучше разом все в мешок какой-нибудь вытряхнуть – и дело с концом. И всего секунда нужна. Если бы я не вернулся, то утром мне и в голову ничего уже не пришло бы, я не удивился бы, что в корзинке нет ничего, ее же уборщицы каждый день в шесть с чем-то опорожняют.

– Нет, но я не понимаю, что такого в этом письме, в конце концов? Это что, план острова сокровищ? С какой стати за ним охотиться? Если то, о чем там говорится, правда, то компетентные органы и так все знают до деталей. Если нет, то тем более оно никому не нужно...

– А ты думаешь, это правда? То, что там написано? А может, просто фантазии брошенной женщины, например?

– Это кто тебе про фантазии подкидывает? Коллеги?

– Да они все как один твердят: бред сумасшедшей. Выбросить – именно конкретно в корзину – советовали.

– Кто именно советовал?

– Игорь...

– А еще кто?

– Генерал Трошин, между прочим...

– Ну, этот тебе правду скажет, пожалуй... Но ты же говорил: коллеги. Кто, кроме Игоря?

– Ну, Ольга...

– Она тоже советовала выбросить в корзину?

– Да-да, и она тоже! Как и все остальные!

– Ну, тогда я тем более верю автору письма. Напомни, как ее зовут?

– Джули, вроде бы...

– Да-да, Джули! И если бы твои коллеги получше бы английским владели, они бы поняли, что никакая она не сумасшедшая, абсолютно нормальный человек! И не фантазии это – такое не придумаешь. Вот увидишь, я окажусь права! А не твои коллеги!

Теперь Танины серые глаза снова сузились, горное озеро обмелело, рот скривился, она сердилась. Расстроилась не на шутку, кажется... «Вот ведь как! Все наоборот, пожалуй, получится», – огорчился и Данилин.

Вообще-то, Таня правильно понимала ситуацию. Потому как о дурацком происшествии с корзинкой нужно было на самом деле с кем-то немедленно посоветоваться. Но Данилин целился сразу и во второго зайца – тайно надеясь, что поворот событий, намек на некую возможную для него, Данилина, опасность заставят жену сделать шаг навстречу, приоткрыть броню... И поначалу все шло как по маслу, но стоило уткнуться в Ольгу, как вот вам, пожалуйста – результат достигнут обратный.

– Я думаю, завтра все проявится. Пойду в архив отдела писем, посмотрю, на месте ли копия, – сказал Данилин. – Правда, могли копию никакую и не сделать и вообще письмо не зарегистрировать, с них станется...

– А чего же ты хочешь, если ты там всех посокращал? Два с половиной человека работают, а он еще чего-то от них требует...

Проблема отдела писем была одним из яблок раздора в семье Данилиных. Дело было в том, что до недавнего времени там работала лучшая Танина подруга еще со школьных времен – Женечка. Конечно, попала она туда в свое время не без данилинского содействия, но с другой стороны, разве плохо было для газеты заполучить в отдел такую образованную, добросовестную, хоть и занудную барышню – выпускницу филфака МГУ, между прочим. И – в кои-то веки – убежденную старую деву, одинокую курочку, никаких видов на вестинских петухов не имеющую.

На протяжении многих лет отдел писем был главным женским заповедником, магнитом, местом, куда отправлялись искать приключений слегка подвыпившие мастера пера. Поставщиком невест и любовниц, но и разрушителем семей, между прочим. Некоторые циничные охальники в сугубо мужской компании меняли последнюю букву «м» в названии отдела на «к». Так и говорили, приняв на грудь граммов двести-триста: «Ну что, пора в отдел п...?»

Данилина такая грубость всегда возмущала. Вот ведь хамы! Несправедливо, между прочим, сколько там скромных, милых женщин трудилось за нелепо маленькие деньги. И явившиеся за приключениями разогретые мэтры совсем не обязательно получали в отделе то, за чем пришли, бывало, и отпор им давали достаточно жесткий. Это уж на кого попадешь! Немало из отдела писем, кстати, вышло в итоге и журналистов вполне успешных. Ольга, например.

Но Таня была предвзята. Она всерьез считала, что только ее подруга Женечка «положила конец разврату» и превратила «вертеп» в эффективно функционирующее производственное подразделение. И очень возмущалась, когда в девяностые там начались сокращения.

Женечка действительно была почти святая или что-то вроде того. Жила работой, а семью ее составлял капризный сиамский кот. В самое голодное время, где-то в начале 90-го, кажется, произошла с ней история, ставшая потом притчей во языцех. Выпала вдруг Женечке удивительная удача – увидела она по дороге на работу цистерну с надписью: «Живая рыба» – редчайший случай! Выстояла в огромной очереди и купила двух карпов. Радости ее не было предела – будет теперь чем кота как следует накормить. Пришла Женечка домой, налила воды в ванну, запустила туда рыб. Они очухались, ожили, плавниками работают, круглыми глазами по сторонам зыркают. И как будто бы мысль какая-то там мелькает, в этих рыбьих глазах, и еще, может быть, страх.

Посмотрела на них Женечка и представила себе, что это ее кто-то поймал в сети, уволок куда-то в тесной железной бочке, а потом швырнул в затхлую воду в какой-то ванне, из которой ей не выбраться никак. И поняла, что убить карпов не сможет никогда. А значит, жизнь ее еще более осложняется: не только надо кота чем-то кормить, но еще и двух здоровенных рыбин. Не говоря о том, что мыться теперь негде.

Объездила несколько зоомагазинов, но рыбьего корма нигде не оказалось, толстые продавщицы усмехались, говорили: «Съели весь ваш корм, съели!» «Неужели правда, неужели люди до того дошли, что этих червяков, или кто они там, едят? – думала Женечка. – Да нет, чепуха! Но в таком случае, куда все подевалось? Ладно, в продовольственных пусто, но в сфере рыбного корма почему вдруг дефицит случился?» Пару раз Женечка приезжала к Татьяне мыться, обсуждала, как вывезти карпов на какое-нибудь озеро, или где они там живут, чтобы выпустить на волю. Кормила их крошками хлеба, меняла воду в ванне. Но в итоге рыбины все равно скончались. Женечка хотела их похоронить, но потом опомнилась, объявила себя «идиоткой» и отдала все-таки коту на съедение.

Данилин же не знал, как к Женечке относиться. С одной стороны, действительно идиотка. Но с другой – идиотка добрая и одинокая. И вообще, кто определил, где должен быть предел нашего сочувствия живым тварям? Собакам и лошадям большинство готово соперничать, а рыбам почему-то нет. С третьей стороны, если рыбам – да, то почему исключать тех самых червяков, которых та же Женечка без колебаний готова была карпам скормить?

Он даже задал этот вопрос самой Женечке, но та ответила просто: «Я подчиняюсь инстинкту: если мне жалко существо, значит, жалко. А анализировать здесь нечего. Тварей с глазами не могу убить. А без глаз – могу, хотя это, может быть, и нелогично. Но ты, Алеша, логики не ищи».

Данилин рассмеялся. Женечка сама, наверно, того не подозревая, повторила байку Александра Коровина, знаменитейшего обозревателя «Вестей», который служил когда-то личным спичрайтером Брежнева и был к тому весьма близок. И вот как-то в Завидове, после удачной охоты, генсек и Коровин принялись изрядно на грудь и принялись нелицеприятно обсуждать государственные дела. И со свойственной ему резкостью Коровин принялся ругать сложившиеся на родине порядки, особенно упирая на то, что во многих решениях отсутствует элементарная логика. Дескать, бог с ним, с гуманизмом, и даже с марксизмом, и тем более с этикой и эстетикой. Но хотя бы элементарная последовательность и логика должны же все-таки присутствовать в том, что мы делаем? И вот тогда не совсем трезвый Брежнев вдруг торжественно поднял вверх руку, точно предваряя какое-то заявление чрезвычайной важности, которое должно было исчерпать спор. И так оно и оказалось, Брежнев действительно высказал тогда великую мысль. Театрально указывая ладонью себе на лоб, он сказал: «Логика, Саша, не ищи!» И торжественно замолчал.

Когда услышал эту байку впервые, Данилин долго смеялся. А потом задумался и понял, что мысль и вправду была глубока. Ведь если советская система времен так называемого застоя сознательно отказалась от формальной логики, руководствовалась вовсе не рацией, а чем-то другим, то многое начинает проясняться. Многие недоуменные вопросы отпадают.

Выходит, что Политбюро, да и ниже расположенные властные слои, исходило из инстинктивных, интуитивных предпочтений. Одних тварей уничтожали, а других нет, одних возвышали, а других низвергали, одно разрешали, а другое запрещали, ведомые неким групповым инстинктом, коллективным подсознательным.

Вот ведь раздолье для последователей Фрейда! Жаль только, что и Фрейд и фрейдизм, согласно велению этой самой коллективной мудрости, были как раз категорически запрещены, приравнивались фактически к порнографии и даже антисоветской литературе.

Ну, коли так, если мы столько лет жили не по логике, а по наитию, то тогда что же, тогда все ОК, можно спать спокойно.

Когда начались сокращения в отделе писем, Женечка немедленно покинула газету. Не хотела, чтобы у нее за спиной говорили: «Ну эту-то не тронут, эта блатная!»

Напрасно Данилин ее уговаривал не уходить и убеждал, что все прекрасно понимают: ее не тронут не из-за связи с семьей главного, а потому, что весь отдел на ней держится. Нет, пошла Женечка мыкаться, и никакой бы работы не нашла никогда, если бы Данилин не бросился в ножки Польскому, главному редактору «Независимого журнала», и тот, мысленно записав за Данилиным крупный должок, пристроил Женечку в отдел проверки. От самой Женечки вмешательство Данилина было, конечно, скрыто – иначе она, чего доброго, и оттуда бы ушла, алогичная женщина.

Это было жестокое время, когда газета боролась за выживание и пыталась экономить, на чем можно и нельзя. Не только отдел писем попал тогда под нож. И инициатива сокращения отдела вовсе не от Данилина тогда исходила, а скорее уж от Игоря, ну и от коммерческого директора, ясное дело. Но Таня возмущалась: обратная связь с читателями жизненно необходима! А сколько ярких историй и знаменитых журналистских расследований началось именно с пришедших в редакцию писем! Сколько судеб человеческих перевернулось. Сколько общество узнало о самом себе. Эх вы, летописцы человечества, все теперь сплошь у депутатов да олигархов интервью будете брать?

В словах Татьяны была доля истины, которая беспокоила Данилина. Но, с другой стороны, в новый храбрый век высоких технологий письма постепенно становились анахронизмом. Некогда нормальным людям письма-то писать. Общим местом стало рассуждение: пишут сегодня в редакцию либо буквально сумасшедшие, на чем-то сильно сдвинутые, или уж просто склочники. Все меньше журналистского материала, все больше человеческого мусора, бесполезных отходов.

Так-то, может, и так, думал про себя Данилин, но как бы нам действительно не превратиться в газету для очень узкого слоя, во что-то, чего даже и газетой уже не назовешь... Другая крайность – откровенная бульварность, специализация на скандалах, сплетнях, на стыдном «остреньком», на сексе, на полоскании грязного белья. Но неужели нет чего-то посередине? Данилину казалось, что есть. И кому как не «Вестям» с их традициями не занять такую нишу? Но для начала надо было, во-первых, выжить и отстоять свою независимость, а во-вторых, понять, что с этой независимостью делать, да еще и коллектив как-то убедить двигаться в определенном направлении, а то ведь кто в лес, кто по дрова...

Вот почему, наверно, так завело Данилина полученное из Англии письмо. Потому как очень не хватало ему чего-нибудь такого – и триллер невыдуманный, (если не выдуманный!) и драма жизни человеческой. И еще странным образом что-то перекликалось в этой истории с его, данилинской, жизнью. Была тут какая-то непрямая, но важная ассоциация. Вот почему ему хотелось верить письму, вопреки даже здравому смыслу. А что, он, бывает, и ошибается, этот самый хваленый здравый смысл.

– Ну, и что ты собираешься теперь делать? – спросила Таня.

– Ехать надо в графство Кент, это я запомнил, это же мое любимое графство. А вот город...

Данилин закрыл глаза, обхватил голову руками и попытался максимально сосредоточиться, для этого у него была своя техника. Что-то похожее во всякой такой литературе описано, но он в этом деле был самоучка. дошел до всего методом проб и ошибок. Сначала надо было максимально расслабиться, вызвать ощущение тепла в конечностях, и главное – в плечах и шее, обмануть мозг, заставить его не думать ни о чем, кроме расслабления тела, а потом коварным ударом – раз! – и атаковать проблему на полном скаку.

Но Таня не дала до конца расслабиться.

– Не парься. Вот оно, письмо-то... И адрес на обороте. Город... Никогда не слышала о таком... Фолкстон... Народный камень какой-то – ну и название! Номер дома ничего не стоит запомнить – восемьдесят восемь!

– А, точно... У нас же у самих квартира с таким номером была на Наметке. Погоди, а Фолкстон этот в новостях мелькал, и не один раз... Все, вспомнил! Там туннель под Ла-Маншем на поверхность выходит. И еще – в дневниках Прокофьева он упоминается, помнишь? Между войнами этот самый Фолкстон был главными воротами на континент.

– Теперь самое сложное – название улицы... Гляди-ка, «роуд», а не «стрит», дорога... «парк роуд» – дорога к парку, что ли?

– Да, у англичан это очень даже принято: «дорога к церкви», почти к храму... Или – «дорога к Лондону». А еще забавней слово «апроуч». Представляешь: я живу по адресу – «приближение к станции, дом восемь»!

Татьяна засмеялась, засверкали серые озера, от них пошла теплая волна, и Данилин с удовольствием окунулся в нее, хрустнул косточками, внутреннее напряжение стало отпускать, расслабились усталые мышцы...

Все шло по плану... Даже лучше, чем можно было предполагать.

– Замечательно... Но только кто же этим будет заниматься? Кто поедет в этот самый Фолкстон? – спросила Таня.

– Ну, я не знаю... отправимся с тобой в отпуск, по-моему, ты давно хотела Мон-Сен-Мишель посмотреть? Плюс вообще Бретань и Нормандию заодно, проедемся по французскому северу, устриц наедемся дешевых и свежих. А там до Фолкстона рукой подать... Паром ходит из Булони...

Таня пожала плечами, повела головой, что-то еще такое глазами сделала при этом загадочное. Данилин перевел это так: «Не думаю, что это когда-нибудь произойдет, но если тебе надо для очистки совести на минуту в это поверить, если тебе так легче, то ладно уж, так и быть, не буду тебе портить настроение...»

Данилин вздохнул: наверно, жена права. Засосет текучка проклятая, все затмят ежедневные драмы существования большой ежедневной газеты; поездка на Ла-Манш будет бесконечно откладываться, становиться чем-то все более зыбким, фантастическим, пока не превратится в предмет насмешек и внутрисемейных шуток. Не доберется он ни до какого Фолкстона, не будет никаких «роудов» посещать и никакую Джули в глаза не увидит. И останется потом только грустное сожаление о несбывшемся приключении и несостоявшейся сенсации и еще о чем-то, чего и словами не выразишь. Закроешь глаза и, уже почти погружаясь в сон после очередного безумного дня, вдруг вспомнишь про Фолкстон, про загадочное письмо, про нелепую историю с мусорной корзинкой и подумаешь: «Эх, жаль, в какой-то другой, более правильной жизни все должно было быть иначе!»

Впрочем, если честно признаться, не единственный это будет предмет для сожалений, не первое такое печальное воспоминание о несбывшемся. И не последнее, надо думать, тоже. Как у Чехова в каком-то рассказе герой жалуется: «Жизнь прошла без пользы, без всякого удовольствия, пропала зря, ни за понюшку табаку».

А Таня сидела напротив и смотрела на него грустно, но, кажется, не было в ее серо-голубом взгляде ни вражды, ни недавней колючей насмешки, вроде только печаль и жалость. А у женщин от жалости до любви один шаг – в эту теорию Данилин верил свято, и это придало ему смелости. Да еще халат немножко все-таки распахнулся, и Данилин увидел колено. Отличное такое колено, круглое. А густые пшеничные волосы были забраны в ночной пучок, открывая безупречную высокую шею, и так вдруг Данилину захотелось – просто нестерпимо захотелось! – прижаться к этой шее губами, причем немедленно! И он ринулся было в атаку, но тут же получил жесткий отпор. «В чем дело, мы же договаривались не спешить!»

– шипела Таня, увертываясь от поцелуев и довольно больно отпихивая от себя Данилина – все же не даром она когда-то художественной гимнастикой занималась.

Кончилось дело тем, что Татьяна исхитрилась сбросить Данилина с дивана, и он довольно грузно и звучно рухнул на пол, слава богу покрытый густым ковром. Таня поправила волосы и гордо удалилась в спальню, а Данилин лежал на полу, картинно раскинув руки, изображал боль и смотрел ей вслед.

«Видели бы меня сейчас мои журналисты», – думал он.

7

На следующее утро Данилин встал раньше обычного и в отвратительном настроении. Унизительная сцена, завершившая вечер, стояла перед глазами. Татьяну на этот раз видеть совсем не хотелось, он принял быстрый халтурный душ и уехал скорее в газету. Все-таки огромные преимущества есть в том, думал он, что водишь машину сам, а не пользуешься услугами водителя, как поступают некоторые другие боссы. Во-первых, демократично. Во-вторых, сам себе хозяин, не зависишь от чужого человека, не надо его ждать, когда вдруг, как сегодня, приспичит тронуться куда-то раньше запланированного. Правда, есть и минусы – например, если попадешь в аварию, то самому придется из нее выкручиваться. И что еще? Еще с точки зрения общей безопасности... Какой еще безопасности! – строго оборвал сам себя Данилин. Это что еще за новые страхи? Из-за пропавшего письма, что ли? И вообще, водитель – это тебе не телохранитель. Хотя все же, конечно, живая душа рядом...

Войдя к себе в кабинет, Данилин первым делом устремился к корзинке для мусора – уборщица вернула ее на место, под стол. Вот, наверно, удивилась, обнаружив ее валяющейся посреди комнаты...

Данилин не смог совладать с собой, схватил корзинку, перевернул, стал трясти ее над ковром и даже шупал внутри руками. Она, конечно же, была пуста. Пуста в квадрате. После визита уборщицы-то. «Хорошо, что меня никто не видит, – подумал Данилин. – Решили бы: наш главный – идиот». И эта мысль по ассоциации привела его опять к воспоминаниям о вчерашнем вечере. Необходимо было что-то доказать Татьяне. Например, что он, Данилин, слов на ветер не бросает. И до Фолкстона еще доберется – в прямом или переносном смысле. Все сбудется, чему суждено сбыться.

А потому рванул Данилин в отдел писем, но там никого не оказалось, дверь была заперта – собственно, рабочий день официально еще не начался. Зато на месте обнаружился Миша Филатов, не избавившийся еще от своих военных привычек и прибывавший на службу не только вовремя, а на всякий случай и с запасом. В данном случае даже минут на двадцать. Двух его соседей по комнате не было еще и в помине, и Данилин решил поговорить с Мишей прямо здесь, на его рабочем месте. Для большей доверительности подсел к его столу на стул для посетителей и, ласково глядя ему в глаза, заговорил о зарплате. Что действительно нехорошо получается, и они, менеджеры газеты, этот момент упустили, и почему Миша раньше тревоги не поднял...

– Да говорил я – и Карповичу, и Игорю... несколько раз говорил, честное слово, Алексей Павлович! – отвечал несколько растерявшийся Миша.

– А надо было мне сказать... давно бы проблему решили... Да, и, слушай... без всякой связи с предыдущим... Миша, за минувшие сутки кое-что случилось, что заставляет меня отнестись гораздо серьезнее к английскому письму. Ну, тому, которое ты вчера у меня в кабинете читал. Смеяться над тобой никто не будет, думаю. Что же касается опасности... то ее, мне кажется, не стоит преувеличивать. Ну что, в крайнем случае, они тебе могут сделать? Из армии ты уволился, а здесь я тебя в обиду не дам...

– А черт их знает, – сказал Миша. – Они опять вроде в силу входить начинают...

– Все равно – возвращения к советским временам не будет. Кроме того, ты же опытный человек, если почувствуешь, что зашел слишком далеко, ну подашь слегка назад. Сманеврируешь. Короче говоря, я тебе буду очень признателен, если ты все же сможешь прощупать свои контакты. Насчет письма этого: действительно ли такой случай был.

Миша помолчал, подумал. Посмотрел в окно на Пушкинскую площадь. Думал он наверняка вот о чем. Хоть Данилин связь между повышением зарплаты и историей с письмом отрицает, но на самом деле все все понимают – люди взрослые. Создает ему Данилин

«дополнительный стимул», ох, создает... Он, конечно, не подлец законченный, вопрос о зарплате по-любому поднимет, но можно же это сделать с разной степенью энтузиазма. Можно вскользь упомянуть, а можно в горло коммерческому директору вцепиться, как Данилин умеет, когда хочет. И можно добиться этого в срочном порядке, а можно и в нормальном, «рабочем». Да и ставка спецкора, она ножницы имеет – большая разница между нижним пределом и верхним.

– А можно поинтересоваться, – сказал наконец Миша, – что именно такого за минувшие сутки произошло?

Дескать, раз уж я в эту игру влезаю, то мне лучше быть в курсе всех деталей.

– Да так, странный случай, можно сказать, нелепый... Может быть, даже тупое совпадение, конечно.

– А все-таки?

Данилин поморщился – стыдно почему-то ему было эту глупость пересказывать, – но все же решил.

– Я вчера показал Трошину письмо, и он убедил меня выбросить его в корзинку для мусора – не в такую, как у вас тут стоит, а в старинную, плетеную, видал у меня под столом? Ты, наверно, слышал легенду что она когда-то Бухарину принадлежала. Я ее до сих пор любил очень, а теперь, вероятно, разлюблю.

Миша посмотрел на Данилина с опаской: чудит начальник, в себе ли?

– Что-то я, Палыч, не пойму, к чему ты клонишь...

– Сейчас поймешь. Так вот выбросил я письмо в эту бухаринскую корзинку и уехал. А потом вспомнил, что забыл одну штуковину на работе. Возвращаюсь, поздно уже, в редакции почти никого нет. Смотрю – корзинка-то пустая! Кто-то все содержимое аккуратно выгреб.

– Может, уборщицы?

– Нет, я проверил, никаких уборщиц вечером в редакции не было и быть не могло. Они по утрам работают – до начала рабочего дня.

– А перепутать, Палыч, ты с устатку не мог? Например, в корзину Валентине выкинуть.

– Не, не мог. Но на всякий случай я и Валино ведро проверил – не было там ничего!

– Ну, значит, это они. Эти ребята. Ну, ты понимаешь... Трошинские.

– Ты уверен?

– Кто же еще...

– Значит, ты считаешь, у них здесь, в редакции, агентура есть?

– А как же! Без всяких сомнений!

– И кто это может быть?..

– Да кто угодно! Кто-нибудь, кого ты ни в жизнь не заподозришь. Самый неожиданный человек.

Данилин помолчал, подумал.

– Я ведь, знаешь, еще нескольким людям письмо показывал...

– Ну вот, вполне возможно, что кто-то из этих людей...

– М-да... порадовал ты меня, Миша...

Данилин так скуксился, что Мише стало даже его жалко.

– Давай, Палыч, бросим это дело, а?.. Целее будем... И никаких тебе расследований, никаких подозрений... А то сейчас такая паранойя начнется, ой-ой-ой! Мало не покажется. Всю жизнь себе испортишь...

Данилин вдруг напрягся. Ему показалось, что какая-то сила снова сгибает его в три погибели, а он, один раз когда-то разогнувшись, дал себе слово, что больше никому согнуть себя не позволит.

– Нет, – сказал он, может быть, даже слишком резко. – Дело твое, Миша. Если боишься, то к тебе вопросов нет, никто тебя не неволит.

– А вот такого, Алексей Павлович, говорить не надо! Ничего я не боюсь. Я за вас беспокоюсь и за редакцию, а не за себя... Мне-то что...

Данилин давно заметил: когда Миша был начальством недоволен, он переходил на «вы». Помолчали несколько секунд, посмотрели в разные стороны. Потом Миша сказал:

– Копия-то хоть письма осталась где-нибудь?

– В отделе писем есть, – сказал Данилин. – И еще дома одна, я сделал ее сам, сходил накануне в ксероксную и сделал. Только об этом никто не знает, и ты никому не говори.

– А не розыгрыш ли это все-таки какой-нибудь? – спросил вдруг Миша. – Игорь, говорят, мастак на такие дела.

– Ну да, все может быть, хотя почему-то не верится, – отвечал Данилин, но сам задумался.

А что, Игорь вполне на нечто подобное способен. Вон, на Новый год как-то раз обезьяной вырядился, его никто узнать не мог. И не он ли звонил в дни ГКЧП коллегам по «вертушке» и голос Горбачева имитировал? Требовал «сохранять верность законной власти». Да так, что некоторые готовы были и поверить!

Если задуматься, то очень даже круто было бы таким образом над ним, Данилиным, посмеяться. Даже в общем-то остроумно. И ух как это по журналистскому сообществу разойдется! Слыхали, Данилин-то, который из «Вестей», получил письмо от какой-то сумасшедшей старухи из Англии, выбросил его в мусорное ведро. А коллеги его разыграли – сделали вид, что письмо выкрали, причем, представляете, вместе со всем остальным мусором. Так Данилин потом долго своей тени боялся, за каждым углом ему КГБ вместе с ЦРУ мерещились! Совсем сна лишился, бедняга! Во умора-то! А кто-то обязательно добавит с фальшивым сочувствием: да, видать, пора ему на покой, отслужил свой срок, а ведь в былые времена какой сильный был редактор...

Вдруг Данилин вспомнил про композитора Никиту Богословского, считавшегося в советские времена главным мастером таких шуточек. Ходила легенда, что разыграл он еще до войны знаменитого артиста оперетты. Пока тот с женой ужинал в ресторане, взял и опечатал дверь их квартиры сургучом. Вернулся актер – и чуть в обморок не упал. Ведь так в те времена поступали с жильем арестованных органами госбезопасности. Бросился к домоуправу, а тот тоже побледнел и говорит: я не могу без санкции НКВД разрешить вам снять печать и войти в квартиру. Кажется, пришлось артисту с женой у друзей ночевать, да и то первые, к кому они обратились, их впустить отказались. Да и вторые тоже. И только третьи, отчаянные головы, не побоялись почему-то загреметь за укрывательство врагов народа, а ведь была же такая статья в те времена.

В другой раз Богословский якобы в гостиничном номере в Ленинграде демонстрировал знаменитым деятелям искусства, как работает система подслушки. Вроде как по благу раскрытая ему приятелем из НКВД. А до этого деятели по пьяному делу рассказали несколько анекдотов, не то чтобы антисоветских, такого быть не могло, но все-таки с неким рискованным душком, из которого, при большом желании, можно было дело раздуть. Так вот, Богословский покрикивал в люстру некие команды – то папиросы принести, то закуски. И тут же входил официант и выполнял приказ. А на самом деле он заранее получил от Богословского гонорар и имел от него соответствующую инструкцию, что и когда вносить.

Ну а деятели сразу протрезвели и разбежались. И вряд ли ночью нормально спали. А может, и несколько ночей без сна провели.

Вот это были розыгрыши так розыгрыши! Жестокие! А похищение корзинки с мусором – тьфу, совершенно невинная шуточка. Детский сад.

Вдруг Данилин настолько поверил в версию розыгрыша, настолько она показалась ему убедительной, что он едва не рассмеялся. И, наверно, что-то вроде неуместной ухмылки на его лице появилось, судя по тому, что Миша с явным удивлением начал на Данилина

поглядывать. Но признаваться в направлении своих мыслей Данилину было неловко, решил признание отложить. Пока же пожал Мише руку и сказал:

– Помнишь, что Рузвельт говорил? Нечего бояться, кроме страха!

– С этим-то я согласен, – отвечал Миша.

– Знаешь что, Мишенька, давай подождем хотя бы до конца дня, потом окончательное решение примем, стоит ли тебе с этой историей высываться. Сегодня кое-что прояснится, я думаю. А насчет ставки, ты не сомневайся, решим в ближайшее время.

И с этими словами Данилин снова отправился в отдел писем и обнаружил там не окончательно проснувшуюся девушку по имени Надя – она только что, видно, влетела в комнату. Нос у нее был еще красный с морозу, а прическа была сделана некачественно, отдельные пряди выбивались из-под заколок, да и белая кофточка сидела как-то кривовато.

Надя была поражена ранним визитом главного, смотрела на него почти с ненавистью – что тебя носит с утра пораньше по этажам, читалось в ее взгляде.

Заглянула в какой-то реестр, сказала уверенно:

– Нет, не регистрировали мы ничего подобного... ни тридцатого января, ни в какой другой день... Я вот за весь месяц все просмотрела. Ничего из Англии не было... Вы уверены, что письмо к вам через наш отдел пришло?

– А что, бывает иначе? – поразился Данилин.

– Конечно бывает...

– Ну не знаю... надо будет у Валентины спросить, – пробормотал Данилин.

Но Валентина про письмо ничего не помнила – мало ли их приходит! Правда, почему-то побледнела слегка. Но, может быть, просто потому, что очень не любила, когда на какой-то вопрос ответить не могла. Самолюбивая была вообще девушка, гордившаяся своей эффективностью. За что и ценил ее Данилин.

Потом явился Игорь с какими-то снова не слишком важными вопросами, теучка. Данилин сказал ему: «Знаешь что, Игорь, решай все это сам... Ты вполне компетентен».

Он пробормотал: «Я-то компетентен...» Данилин чуть было не взорвался, не заорал: на что ты намекаешь? Ты что, на самом деле думаешь, что это дело главного решать, что на третью полосу выставлять? Что у него других дел нет? Или ты хочешь сказать, что ты и вся газета прекрасно без меня обошлись бы? Сердце тоже знает, как ему биться, а печень и почки, как кровь очищать, а желудок, как пищу переваривать. Им, может, тоже кажется, что они без головы обойтись могут. Что голова им только мешает. Но только на самом деле быстренько пропадут они без нее.

Но не стал Данилин кричать, вообще промолчал. Взял себя в руки. Хладнокровно так выставил свою бухаринскую корзинку перед собой. Хотел посмотреть, как Игорь реагировать будет.

А он реагировал как надо: уставился на Данилина с выражением глубокого недоумения: типа, совсем ты, начальник, с глузду съехал?

– Ладно, Игорь, пошутили, и хватит. Признавайся. Остроумно, не спорю. Смешно. Но хватит уже.

– О чем ты, вообще не понимаю. Какие шутки? Бред какой-то.

– Ну как? Выбросил я по твоему совету английское письмо в вот эту корзину, а потом поздно вечером все ее содержимое вдруг исчезло, пока я тут уезжал ненадолго. Признавайся, твоя работа?

– Слушай, я занят зверски, в редакции половина людей больны гриппом, материалов нормальных не хватает, нервы совсем мне вымотали... Какие, к черту, розыгрыши? Ты вообще рехнулся, подумай, чем ты занимаешься, а? Сначала письмом этим дурацким, а потом расследованием исчезновения мусора из ведра? Это кому сказать...

Данилин понял, что Игорь именно многим теперь эту историю с мусорной корзиной будет рассказывать. И второе – или играет, собака, бесподобно, или действительно ни при чем.

– Ладно, ладно, не горячись. Тем более что ничего страшного – я успел еще одну копию изготовить, я ее домой отнес...

– Да хоть триста копий! Хоть всю редакцию этими копиями заполони!

Тут Игорь вдруг решил, что зашел слишком далеко и примирительно сказал:

– Ладно, давай делами займемся – и у меня, и у тебя их невпроворот...

И исчез.

Потом Данилин еще и Ольгу вызвал – уточнить сроки подготовки интервью с Гавелом. А заодно и ей рассказал историю про корзину. И ей сообщил, что лишнюю копию сделал. Но та только фыркала презрительно и не желала эту тему обсуждать.

И все-таки Данилин никак не мог отделаться от ощущения, что его разыгрывают. Воображение убедительно рисовало картинку, как Игорь с Ольгой и еще парой приятелей собрались в секретариате и там прыскают от смеха. «Представляете, я ему говорю: ты что, с ума сошел, у меня дел выше крыши, а ты ко мне с какой-то корзиной... Да хоть триста копий этого письма делай...» А Ольга добавляет: «Он передо мной распинается, корзину показывает, а я еле сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться, но ничего, козью морду ему такую сделала, он совсем расстроился».

И все при этом заливаются...

А под конец рабочего дня к Данилину на прием вдруг запросилась Надя из отдела писем.

Данилин все дела сразу отбросил, попросил директора по рекламе зайти попозже.

Надя выглядела уже гораздо лучше – и с носом все было в порядке, и с кофточкой, и с волосами. Но выражение лица было растерянное.

– Алексей Павлович, извините... Я еще раз все посмотрела внимательно... Что-то десяти номеров не хватает... похоже, что страницу из регистрационной тетради вырвали... Как раз вокруг этого числа – тридцатого января... Ума не приложу, кому такое в голову взбрело и зачем. Может, шутка?

Данилин сам подивился своему хладнокровию. Вежливо и невозмутимо поблагодарил он Надю. Попросил Валю ни с кем не соединять и никого не пускать минут десять. Сел, закрыл глаза. Попытался сосредоточиться.

Пора было признаться себе, что на подсознательном уровне он давно уже знал, что концы с концами не сходятся, что версия розыгрыша на самом деле не выдерживает критики. Хотелось просто в нее поверить, вот он и старался. Потому как альтернатива была куда неприятнее – приходилось согласиться, что в родных и милых «Вестях» творится нечто действительно зловещее. Но это же не голливудский боевик и не триллер какой-нибудь, это же обыкновенная, нормальная, скучная жизнь! В ней не бывает ничего такого... Или бывает?

С розыгрышем не получалось вот почему: никто же не знал, что он вернется на работу с полпути в тот вечер и обнаружит странную пропажу бумажного мусора. А коли так, то в чем юмор?

Если только не... Да-да, есть еще одна версия. Если само письмо изначально сочинили как шутку. А выкрали потом, чтобы над ним дополнительно поиздеваться. Например, прислать ему его еще раз. Но что-то слишком мудрено и не смешно. С трудом верится. Да и письмо так написать правдоподобно – это как же надо английским владеть? И вообще Англию знать и понимать? Что-то в редакции он таких знатоков не припоминает... А теперь вот еще и книгу регистраций кто-то изуродовал. Это уже чересчур.

Данилин набрал Мишу Филатова по внутреннему селектору. Сказал:

– Миш, ты все-таки знаешь что? Пошуруй там остороженько, среди своих. Может, кто-то что-то слышал об этой английской истории... Очень тебе признателен буду.

8

Прошло всего два дня, и квартиру Данилиных ограбили.

Таня пришла с работы первой и обнаружила дверь открытой. И знаменитый электронный замок, разработанный в каком-то оборонном НИИ, и дорогой английский, многоуровневый, со сложным стальным ключом – оба оказались бессильны предотвратить взлом. Обычный замок был открыт хитрой, высокопрофессиональной отмычкой, которая, впрочем, оставила следы. Об этом радостно сообщил Данилиным милицейский сыщик. Следы эти якобы давали надежду на идентификацию в будущем – чисто теоретическую, впрочем. При условии, что отмычку эту когда-нибудь удастся обнаружить. И при этом еще и доказать ее принадлежность конкретному индивидууму. Или группе лиц. Чушь, короче.

Что произошло с электронным замком – по этому поводу милиция высказать мнение отказалась. Дескать, не знаем мы этих систем, не ведаем, в чем их слабость или сила, понятия не имеем. А потому даже и предположить, что с ним конкретно делали, не можем. «Говорят, если на них излучать какие-то магнитные поля, то они отключаются. Но это только слухи. Официально я никаких рабочих гипотез выдвинуть по этому поводу не могу», – сказал районный сыщик.

Это было первое ограбление в их большом современном доме на Осенней улице, и все его жильцы ужасно разволновались. Еще бы! Как-никак два поста вневедомственной охраны содержим – один на воротах и потом еще и второй – в подъезде. И что же получается? Все равно никаких гарантий? За что же с нас такие деньжищи берут?

Бравые охранники только хлопали глазами – клялись и божились, что никто подозрительный на объект не проникал. Ну конечно, ну разумеется... Премии их начальство обещало лишить, еще как-то наказать, но Данилиных это никак не утешило.

Забрали из квартиры не так уж много – в основном то, что поддавалось легкой транспортировке, – старый, большой компьютер Данилина не тронули, а лэптоп «Тошиба» исчез. Радиоприемник «Панасоник», портативный магнитофон, любимый данилинский диктофон «Сони» – это все корова языком слизала. А вот видео, изрядно устаревшей модели, а потому довольно громоздкий, грабителей не прельстил.

Но обиднее всего было, что им удалось легко обнаружить Танину шкатулку с драгоценностями – собственно, искать ее особенно не нужно было, она прямо на виду, на трюмо стояла.

Соответственно, была похищена главная семейная реликвия, старинное кольцо червонного золота с довольно крупным бриллиантом, равно как и ожерелье в виде змеи, восточной работы. Все это, а также другие украшения, с бирюзой и опалами и прочим, что осталось от предков, пропало. Данилину особенно нравилось видеть на жене то бабушкино кольцо, удивительно точно пришедшееся Тане по размеру. Его поражал не столько сияющий голубизной бриллиант, сколько необычный, таинственный цвет золота, отливавшего темно-красным.

Татьяна держалась мужественно, даже не заплакала, хотя ясно было, что кольцо, да и змею, не восстановить, все это пропало навсегда, ни за какие деньги она уже никогда ничего подобного не получит.

«Странно, что они вторую шкатулку не нашли. Всего-то и надо было – ящик трюмо открыть», – бормотала Таня. Во второй шкатулке содержались всякие украшения попроще, все, что скопилось за жизнь, что Данилин привозил из командировок. Но также и доставшиеся от другой бабушки старинные гранаты. Довольно ценные, кажется.

«Ленивые какие-то грабители попались», – говорила Таня.

«Торопились, наверно», – отвечал Данилин.

Но вот где они не ленились и не спешили, где потрудились на славу, так это в данилинском кабинете. Выпотрошили все – от ящиков письменного стола до книг на полках. Причем из некоторых книг неизвестно зачем были даже страницы вырваны, а с других обложки оторваны. По злобе, что ли?

И вся эта бумажная каша – вся жизнь Данилина, всякие его журналистские и литературные наброски, записи, дневники, ценные книги – все это теперь валялось на полу, и совершенно невозможно было понять, что пропало, а что нет, и с чего теперь начинать разборку этой ужасной кучи, на которую невозможно было смотреть без содрогания.

Но, может быть, хуже всего было омерзительное ощущение, что их частная жизнь подверглась надругательству, что домашний уют навсегда уничтожен, растоптан. «Меня будто изнасиловали», – прошептала Татьяна. «Меня тоже», – ответил Данилин.

Но Таня посмотрела на него отчужденно и сказала грустно: «Доигрался...»

«Ты меня винишь?» – изумился Данилин.

«Не виню, но...»

Таня не стала объяснять, что «но», зато объявила, что уезжает ночевать к матери. А Данилин остался разбирать то, что осталось от его кабинета. Более печального и какого-то обреченного занятия он в жизни не испытывал. Обреченного в том смысле, что, даже проделав весь этот гигантский, нескончаемый труд, прежнего все равно было не восстановить.

И еще была печаль и тоска, что Таня, вместо того чтобы объединиться с ним, Данилиным, перед лицом общей беды, вдруг, наоборот, отшатнулась от него еще дальше и даже уехала к матери – а это была крайняя форма выражения недовольства мужем. Она часто прибегала к ней в разгар кризиса, поразившего их семью. Но теперь, когда они пытались потихоньку из него вырлуть, снова все слепить вместе, отъезд к матери показался Данилину нечестным приемом, ударом ниже пояса. И с какой стати Таня его винит в ограблении!

Конечно, можно предположить, что оно как-то связано с тем английским письмом, будь оно неладно. Ведь Данилин нарочно не скрывал, что у него дома хранится копия, и массе народа об этом рассказал. Но все же письмо это окаянное не план же острова сокровищ, как кто-то метко выразился. И не координаты затопления испанского галеона с тоннами золота на борту. И даже не компромат на какого-нибудь кремлевского сановника. А всего лишь какая-то сомнительная байка времен «холодной войны».

Нет, можно поверить, что «они», те, не в восторге от копания в этой истории... Но не настолько же, чтобы устраивать такую дорогостоящую, сложную и рискованную операцию! Нет, ну в самом деле, нелепо предполагать такое даже!

Данилинский друг детства, сделавший карьеру в каком-то техническом управлении КГБ, объяснял ему в свое время, что распространенные среди населения опасения подслушки чаще всего необоснованны и даже нелепы. Не потому, что власть КПСС и органы щадят своих граждан или блюдут законность – нет, вовсе нет. Но это дело очень дорогое! А граждан слишком много! И рады бы всех держать под колпаком, но техники-то, тем более приличной, профессиональной, на всех не хватает! И операторов такой техники тоже – вот ведь беда! А потому приходится использовать имеющиеся ресурсы с большим разбором, в каких-то уж особенно волнующих власть или контрразведку делах.

Вот и в данном случае, думал Данилин, это же какого уровня требуется решение и распоряжение, чтобы такое проникновение с ограблением учинить и ради чего? Даже если письму верить, то неужели такая мелочь доисторическая может иметь какое-то государственное значение? Ну, никак она не тянет на операцию такого масштаба. Да еще срочность, срочность-то какая! Два дня всего прошло, и уже, пожалуйста, все случилось! Нет, не может быть. Не надо умножать число сущностей – то есть искать какие-то заумные объяснения обыкновенным вещам.

Сколько таких квартир грабят в столице каждый день? Десятки, наверно, если не сотни. Зачем их грабят? Чтобы золотые кольца и ожерелья изъять и модную технику. И никакие замки никого и ни от чего не спасают.

А с чего кабинет так изуродовали? Так, ясное дело, думали, что у него, как у крутого мужика, где-то в книгах наличные запрятаны. Вон ведь у какого-то депутата недавно именно в библиотеке миллион долларов нашли! Насмотрелись бандиты теленовостей и ринулись кабинеты потрошить.

Так что нечего огород городить и фантазировать. Совпадение, каких в жизни – сколько угодно.

Но если так, если письмо ни при чем, то в чем его, Данилина, вина? Почему Таня так странно реагирует на то, что случилось? Почему – доигрался? До чего он доигрался и в каком смысле? «Несправедли-и-иво!» – хотелось зануть ему, как в детстве.

Так думал Данилин, собирая по обрывкам и клочочкам свою поруганную, порушенную жизнь. А в три с чем-то ночи вдруг раздался телефонный звонок.

– Не спишь? – спросил неуверенный Танин голос.

– Нет, осколки склеиваю, – отвечал Данилин, стараясь не подать виду, как он обрадовался.

– Ну и как? Получается?

– Так... не особенно...

– Ну, хочешь, я приеду?

Данилину хотелось крикнуть: ну конечно, вызывай такси и приезжай, скорей, скорей, немедленно, пока еще что-то можно склеить!..

А потом подумал: «Что за вопрос идиотский – хочешь, приеду? Это как великое одолжение надо понимать? В такой-то момент несчастный?»

А вслух сказал холодно:

– Не стоит, я думаю. Не вижу смысла.

– Ну как хочешь, – сказала Таня и повесила трубку.

«Какой-то характер у меня стал бабский», – думал Данилин, шаря в бумажной куче и пытаясь нащупать там вторую половину от пополам разорванной фотографии.

9

Следователя звали Евгением Пантелеевичем, и фамилия у него была замечательная – Бережный. В его надежные руки Данилина передали после того, как он на приеме пожаловался начальнику Городского управления, что вот, дескать, райотдел явно с расследованием не справляется, целая неделя после ограбления прошла, а ничего не происходит. И вот теперь его пригласили на Петровку, но, войдя в кабинет, Данилин сразу почему-то понял: зря он жаловался, ничего хорошего из этого не выйдет. Может быть, все дело было в том, что над начальником городской милиции в то время уже сгущались тучи. Его, кажется, собиралась слопать некая могущественная группировка. А потому его заступничество могло запросто иметь обратный эффект. По крайней мере, прием, оказанный Данилину Бережным, ничего хорошего не предвещал. В лучшем случае это была напрасная потеря времени.

Сидел Бережный при этом в давно не видавшей ремонта холодной комнате, в которую непрерывно вбегали люди, у которых были какие-то срочные дела. И все они приставали с какими-то непонятными вопросами к его соседке по кабинету, Люсе.

Люся была смазливая и кокетливая, и Данилин быстро догадался, что мужская часть отдела просто ищет предлога для того, чтобы лишний раз с ней пофлиртовать. Только Бережный не обращал на нее никакого внимания. Похоже было, что между ними кошка какая-то пробежала. «В чем дело, интересно? Может, они бывшие любовники?» – подумал Данилин. Но мысль эту развивать не стал. Остановил себя: «Чуть что, тебе именно это в голову лезет... банальщина... служебный роман, потом мужик возвращается к жене, любовница злится, а деваться друг от друга некуда...»

– Я так понимаю, Алексей Павлович, что вы недовольны работой районного отдела. Что конкретно вас не устраивает?

Говорил Евгений Пантелеевич вроде бы и вежливо, к словам не придерешься, но в тоне звучало что-то такое издевательское. Наверно, хотел дать понять – подумаешь, квартирная кража! Да у меня убийств нераскрытых во-он сколько висит... И не последнее добро у вас забрали, чай... И вообще сами виноваты – нечего жить в таких вызывающих квартирах и роскошью баловаться... У меня вон таких вещей нет и не будет никогда, а вы от меня еще сочувствия ждете, и я должен тут с вами время терять.

Такие мысли читал Данилин в тоне следователя, но делал вид, что ничего не замечает.

– Понимаете, какая штука, – говорил он, – мне кажется, что районный отдел недостаточно обратил внимания на некоторые очень странные обстоятельства ограбления. Пропали ценные вещи, но только те, что лежали на виду и которые было легко унести. Как будто грабители торопились. Но при этом они почему-то сосредоточились на моем кабинете. Вот там они уже не спешили, там они потрудились основательно. Перевернули все вверх дном, полный разгром учинили...

– Ну и что, вы думаете, из этого следует? – В глазах Бережного не читалось ничего, кроме скуки. Ну и еще, может, легкого презрения.

– Может, они искали что-то в кабинете?

Скука вдруг исчезла, зажегся какой-то не очень яркий, но все же огонек.

– А там было что искать?

– Нет-нет, не думаю... Если кого-то вдруг только не взволновали мои дневниковые записи или рабочие наброски всякие...

– А деньги? Деньги в кабинете хранили?

– Да нет... разве что заначка... тысячи полторы, что ли... Она, кстати, уцелела. Они ее не нашли.

– Полторы тысячи – это в какой валюте?

– В рублях, конечно! За кого вы меня принимаете...

Следователь не стал говорить, за кого он Данилина принимает, но продолжал с ехидцей:

– А говорите, полный разгром... Выходит, неполный... халтура... Полторы тысячи – это ведь тоже деньги... сколько раз пообедать можно... А компромата какого-нибудь в этих ваших записях случайно не было? В этих, как вы сказали? Набросках? Компры там ни на кого не содержалось?

– Да нет... разве что на меня самого – и то не в криминальном смысле. Можно мои примитивные вкусы в искусстве разоблачить... Я, например, Пикассо не люблю.

Данилин сразу пожалел о сказанном – следователь такого юмора не понимал и после разговора про Пикассо явно возненавидел Данилина еще больше.

Он смотрел теперь прямо перед собой и, видимо, боролся с желанием нагрубить по полной, может быть, даже выругаться матом. Но сдержался. Сказал почти вежливо:

– Хорошо. Я приму к сведению ваше сообщение. Хотя оно к картине преступления ничего не добавляет. А теперь извините меня, я очень занят.

Данилин тоже тогда извинился (хотя за что, спрашивается, за Пикассо, разве что) и направился к выходу.

А на работе Данилина ожидало вот что: он вошел в лифт и оказался там один на один с Ольгой. То ли она специально его поджидала – в былые времена бывала у нее такая манера, – то ли действительно такое совпадение дикое. И опять же, как в былые времена, она отработанным движением отправила лифт на самый верх, на седьмой.

– Что, что ты делаешь? – сказал Данилин, стараясь звучать в меру возмущенно и в меру печально.

– Говорят, тебя ограбили?

– О, вижу, сарафанное радио работает на полную катушку!

– Что, подчистую? Голые стены, говорят, и одну только люстру оставили?

– Нет! Все нет! Вижу, я ваше радио перехватил. Слышали звон, да не знают, где он.

Много ценного взяли, но...

В этот момент лифт остановился на седьмом, на площадке никого не было, и Ольга тут же послала его назад, на первый. И мгновенным, грациозным, типичным своим движением пантеры вдруг придвинулась вплотную к Данилину и стала целовать его в губы. Данилин хотел сопротивляться, хотел оттолкнуть ее – честное слово, хотел! Но сигнал где-то задержался на полпути, на долю секунды опоздал, запутался в нервных переплетениях, и тело успело откликнуться, ответить, отреагировать рефлекторно на эти великолепные губы, невероятные ноги, на горячее гибкое тело, такое знакомое во всех своих чудесных, возбуждающих деталях, всех своих дивных изгибах, так хорошо известных и все же таинственных. И за полсекунды до того момента, когда двери открылись, Ольга успела оторваться от Данилина, который не заметил, не понял, что он уже обнимает ее, прижимает к себе плотно, не дает вырваться. Ольга выскочила из кабины как ни в чем не бывало, сосредоточенная и деловая, как будто спешила на редакционное задание. А Данилин стоял весь красный, с шальными глазами и не понимал, кто входит в лифт и что ему говорят. И он поехал вверх с этими людьми, которых не узнавал, не отвечая на приветствия и вопросы.

– Вам на четвертый? – сказал кто-то.

– Нет-нет, мне на седьмой! – отвечал Данилин. Хотя что ему, главному, на седьмом делать-то? К спортсменам или в буфет, разве что?

На седьмом было пустынно. Данилин пошел в туалет. Там, к счастью, никого не было, можно было умыться и отдышаться. Потом двинул почему-то в буфет. Невозмутимая и мудрая Надежда Петровна если и удивилась неожиданной инспекции начальства, то виду не показала. Спокойно пустилась с Данилиным в беседы, подтрунивала слегка над жизнью, над

собой и даже над политикой. От ее крепкого чая с ватрушкой Данилин совсем пришел в себя, тоже стал отшучиваться и в совсем уже нормальном настроении отправился к спортсменам – журить их за давешнюю пьянку. Пообещал оштрафовать в следующий раз. И потом уже не спеша, солидно прошествовал вниз по лестнице к себе на четвертый. Где его как раз дожидался начинавший терять терпение Миша Филатов.

– Потеряли мы тебя, Палыч! Валентина говорит, ты в редакции, но нечего тебя дергать, занят, значит, и отказывается тебя по пейджеру вызванивать, говорит, не надо без особой нужды. Но у меня, вообще-то, нужда...

По возбужденному виду Миши было понятно, что у него есть какие-то чрезвычайные новости. Последний раз Данилин видел его таким, кажется, когда он раскопал какие-то фантастические факты про генеральские дачные поселки. «Может, и теперь что-то в этом духе?» – подумал с надеждой Данилин. Одного он не хотел точно – об английском письме чего бы то ни было слышать, будь оно неладно!

Но оказалось – о нем, о нем именно речь. Миша накануне знатно посидел со своим дружбаном, бывшим чекистом, а ныне бизнесменом, и тот ему сказал, что о похожей истории он, кажется, что-то слышал. То есть гарантировать не может, но ощущение у него, что история подлинная. Мало того, он знает одного пенсионера, очень сильно нуждающегося в деньгах, который уж точно будет в курсе, поскольку имел к таким делам непосредственное отношение. И вот только что дружбан забежал в редакцию, дал номер телефона, по которому надо позвонить и договориться о встрече. Но стоит консультация будет пятьсот долларов. И то пенсионер торговался, хотел две тысячи, потом спустил до тысячи, но дружбан, зная истинное положение дел в редакции, проявил твердость.

Данилин пошел к шкафу, открыл дверцу, за дверцей стоял сейф. Ему почти нечего было хранить такого уж секретного, но вот свою большую, настоящую заначку он держал именно здесь. Накапливавшиеся здесь после командировок или интервью иностранным СМИ сотни долларов до недавнего времени расходились шустро, улетали в одном и том же классическом, банальном направлении. Но недавно этот процесс резко затормозился, и в сейфе скопилась почти тысяча долларов.

Данилин отсчитал Мише пять сотен, извлек еще из сейфа бутылку знатного шотландского виски «Макаллан». Сказал отдельно, серьезно, как продекламировал:

– Это сингл молт, то есть односолодовое виски. Восемнадцать лет выдержки, из них шесть лет в бочках из-под бурбона и шесть – из-под хереса. Поэтому есть намек и на бурбон, и на херес. Но именно намек – не больше. Те, кто с разведкой в СССР был связан, как правило, виски любили и разбирались в нем. Эти оценят.

– По мне, лучше коньячку хорошего, – сказал Миша.

– Будет тебе и коньячок. У меня дома уже приготовлен. Я знаю, ты «Хеннесси» любишь, но я хочу немного продвинуть дело твоего образования – получишь «Гранд Шампань Деламайн». Суперштука! Тебе, как коньячному человеку, очень должен понравиться. И знаешь что: позвони ты этому пенсионеру сам. Встреться, поговори. Если почувствуешь, что это делу поможет, распей с ним «Макаллан». В общем, прошупай его, посмотри, стоит ли иметь с ним дело. Если решишь в конце, что стоит, передай ему деньги. И дай мне знать. Не возражаешь?

Судя по выражению Мишиного лица, он не был в восторге от поручения. Наверно, считал, что миссию свою он уже успешно завершил, найдя знающего человека. А оказалось, нет, надо еще и дальше в этой мутной воде плыть. Но что с ними поделаешь, с начальниками, вертят людьми как хотят.

Данилину стало на секунду стыдно. «Чем я лучше тех и этих, спецслужбистов всяких? Тоже вот людьми манипулирую. Использую их в качестве инструментов. Но ведь ради благой же цели! Ну да, ну да! А как же! И те тоже так говорят! И так искренне думают. Цель

всегда благая, это уж будьте уверены!» Но Данилин быстро справился с собой, такие мысли надо было решительно прогонять или уходить с работы.

10

Николай Иванович был, конечно, никакой не Николай Иванович, это было понятно. Где точно он служил в недрах советской разведки до своего увольнения, в какой должности и звании, было неизвестно. И что он знал на самом деле, а чего нет – во всем этом тоже приходилось полагаться исключительно на Мишин опыт и интуицию, а также на осведомленность его «друзбана».

Миша не сомневался: источник серьезный, ему можно верить. Большой был человек, ох большой... но погорел, погорел вчистую на бабе, жена ушла, стал пить по-черному... Выгнали с работы без пенсии, теперь бедствует, старые приятели некоторые жалеют, тайком подкидывают работенку, какую могут. Подпитывают.

«Вот и я теперь его «подпитываю», – думал Данилин. – И зачем я только в это во все влез?»

Но виду не подавал. Энергично тряс руку Николая Ивановича, улыбался ему... А тот не особенно улыбался в ответ. Вообще, алкоголик алкоголиком, а повадки некоторые сохранил. Даром что нос в характерных красных прожилках, что лицо обрюзгло и глаза слезятся. Все равно взгляд холодный, ничего не выражающий. И голос плоский, без натуральных взлетов и падений. И говорит очень тихо.

Данилин читал где-то, что это такой профессиональный прием, вынуждающий собеседника постоянно напрягаться, чтобы расслышать сказанное. А в напряжении ты неизбежно проигрываешь психологически, тебя легче сбить, «расколоть».

«Это он, наверно, по привычке... Я же не на допрос к нему явился... скорее, в данном случае, наоборот», – думал Данилин. Но все не мог избавиться от ощущения, что это именно его допрашивают.

Встреча происходила на Покровке, на одной из квартир Мишиного друга-бизнесмена, случайно оказавшейся временно свободной. По всему было видно, что жильцы выезжали в спешке, большую часть мебели и обстановки вывезли, но какие-то фрагменты остались. Лучшее всего сохранилась кухня, и они с Николаем Ивановичем там и заседали, пили чай. Данилин бессовестно рассчитывал, что собеседник соблазнится и чем-нибудь покрепче, и на этот случай притащил с собой маленькую бутылку «Джека Дэниелса». Думал, что алкоголь позволит ему, Данилину, контролировать ситуацию. Но Николай Иванович был настороже, предложение «выпить бурбончика» решительно отклонил, даже, кажется, рассердился.

Данилина на встречу привез на своих раздолбанных «Жигулях» все тот же Миша Филатов. По дороге он даже пытался уйти от потенциальной слежки, но делал это настолько неубедительно, что Данилин не выдержал и сказал: «Что, проверяться тебя в Военно-политической академии учили?» – «Да нет, так, понахватался от друзей», – сконфуженно отвечал Миша. «Ну и еще «Семнадцать мгновений весны», Штирлиц и прочее», – хотел добавить Данилин, но не стал. Пусть чуть-чуть в шпионов поиграет человек, никого и ничего от этого не убудет. Да и сам Данилин не знал, как себя вести в этой новой для него ситуации; впрочем, непонятно было, насколько всерьез надо ее, ситуацию эту, вообще воспринимать.

Но вот условный Николай Иванович воспринимал себя и все происходящее чрезвычайно серьезно. Мише присутствовать при разговоре не разрешил, как его ни уговаривали. И тот уехал куда-то по своим делам, оставив их с Данилиным наедине.

Довольно долго разговор не клеился, что-то бывший чекист такое ворчал, говорил неразборчиво, ругал погоду, Ельцина, новые времена, а Данилин быстро устал напрягать слух, тем более что скучно было слушать всякую ерунду.

Наконец незаметно как-то приблизился к главной теме. Данилин вдруг услышал знакомое слово: «похищение».

– Что-что, простите, я не расслышал, вы говорите, похищениями людей за рубежом Управление «С» занимается? Это то самое, где генерал Трошин много лет командовал?

– Я говорю, исторически Управление «С», бывшее Тринадцатое, создавалось для осуществления терактов, саботажа, ликвидаций, похищений и тому подобных нелегальных действий...

– А почему «С»? Что-нибудь такое «специальное», наверно, означает?

– Специальное-то специальное. Но вообще даже в ЦК мало кто знал, что это оно так в честь своего первого руководителя было названо – Павла Судоплатова. Судоплатов долго в тюрьме сидел при Хрущеве, а важнейшее управление в разведке тем временем называлось в его честь! Это мы фигу такую в кармане держали... Потом, когда он вышел, мы его поддерживали потихоньку, ведомственную поликлинику ему пробрили, больницу, санаторий... Он же выдающийся был чекист. Одна ликвидация Троцкого чего стоит!

– А похищения? – гнул свою линию Данилин.

– Ну да, и похищения тоже.

– А в последнее время такими делами, значит, Трошин занимался?

– Не обязательно. Такие операции теперь носят исключительный характер. Специальная группа может быть для этого создана. Вне управлений. При председателе. А ликвидации как таковые были практически приостановлены в шестидесятых. Исключения были возможны, но только по специальному разрешению Политбюро. А как систему их прекратили.

– А для похищения человека за рубежом тоже решение Политбюро требовалось?

– Смотря какого человека... Андропов мог иногда взять на себя ответственность. А мог решить, нет, вот этого я на себя одного брать не буду. Пусть Политбюро проголосует...

– Но если убийства и похищения стали такой редкостью, то зачем управление «С» существует?

– В основном занимается сбором информации. Общей разведкой. Но с нелегальных позиций.

– А что это такое?

– Легальная позиция – это когда разведчик работает под официальным прикрытием – посольства, торгпредства, корпункта и так далее. Нелегальная – это когда он внедряется в чужое общество в обличье и с документацией иностранного гражданина. Биография ему сочиняется – легенда называется. Был Иван Петров из Павловского Посада, а стал Джон Смит из Детройта, например.

– Был Исаев, а стал Штирлиц?

– Вот-вот, если бы Штирлиц существовал, он мог бы как раз служить идеальным примером нелегального резидента.

– А Зорге? Он разве не подобие Штирлица?

– Нет, Зорге иностранец был. Натуральный немец. Но это осколок другой эпохи, эпохи Коминтерна.

– При чем тут Коминтерн? – спросил Данилин.

– Как при чем? Это была невиданная в истории человечества разведывательная, агентурная сеть. Ничего подобного не существовало ни до, ни после. И не будет больше никогда. Уникальная ситуация, и уникальные люди – пламенные революционеры-фанатики. Сотни, даже тысячи людей всех национальностей, вдобавок с опытом и вкусом к подпольной работе, к конспирации, со знанием языков, культур, нравов... Интеллектуалы, тонкие обаятельные люди, но при этом преданные делу до самозабвения. Потом из-за реалий политической борьбы Иосиф Виссарионович вынужден был их уничтожить. С профессиональной точки зрения жаль... Но политически это, увы, было неизбежно.

– Вы просто фаталист какой-то, Николай Иванович... А если бы Сталин счел политически целесообразным вообще всю разведку под корень извести, вы бы тоже согласились с такой печальной неизбежностью?

– А он всю и извел. Под корень. Почти.

– Да вы, наверно, все-таки преувеличиваете, – не поверил Данилин.

Николай Иванович впервые посмотрел на него с некоторым интересом, вроде удивился, что тот может в чем-то сомневаться, что-то из сказанного под сомнение ставить. Заговорил чуть громче.

– Вы про Павла Фитина слышали? Биография у него к тридцати годам была такая: закончил сельхозакадемию, потом в издательстве работал, опять же сельскохозяйственном. То есть агроном, и ничего больше. И вот чисто случайно угодил на разведкурсы, но даже доучиться ему не дали – через полгода отправили работать в отдел. А почему же ему не позволили хоть чуть-чуть еще разведке поучиться? А потому, что к тому моменту в отделе ни одного сотрудника не осталось. И в тридцать один год аграрник-марксист Фитин стал самым главным начальником советской внешней разведки! Пришлось ему на ходу доучиваться и все создавать заново. И это перед войной. Каким-то чудом кое-как справился. Но этого никто не оценил, после войны его в провинцию сослали, а потом и вовсе уволили из органов без пенсии. Говорят, хотя ручаться не стану, что Берия со Сталиным не могли ему простить, что Фитин верил в то, что Гитлер нападет, когда хозяин не верил. И Фитин не сумел этого своего мнения скрыть. Но имейте в виду: даже если это так, то я Сталина не осуждаю. Нельзя терпеть на ключевых постах свидетеля ошибки лидера, тем более большой ошибки, трагической. Фитин должен был бы сказать спасибо, что в живых оставили. По логике должны были бы ликвидировать.

И тут Николай Иванович снова увлекся. Пошел в какие-то глубины. Заговорил опять о том, что разведкой правит рок, и если уж идешь туда работать, то будь готов принять безропотно любой жребий, потому что ты отдаешь на заклятие и душу свою и тело. Потом как-то вдруг незаметно перешел на более обыденные рассуждения о сравнительных достоинствах и недостатках разведки легальной и нелегальной, электронной и агентурной, и Данилин стал терять нить. Вроде даже в сон его потянуло. Пока снова не услышал важного слова: «Англия».

– Филби вместе с его группой тоже уничтожить собирались, да руки не дошли. Уже в деле записали: есть основания считать двойниками. А почему? А потому, что лучше перебить, чем недобдеть. Обязательно! В этом суть – всех всегда подозревать и соответственно действовать. Ну а уж иностранцев тем более. Иначе быть не может. И это, вообще-то, правильно.

– Но разве Филби со товарищи не добыли каких-то исключительно ценных сведений? – вступил в разговор пробудившийся Данилин.

– И сколько, и каких! Может быть, в мировой истории разведки не было более ценного источника – ни у кого и никогда. Все, что британцы во время войны выведывали, попадало на стол к Сталину быстрее, чем к Черчиллю. Данные о готовящемся нападении японцев на Перл-Харбор англичане от США скрыли, а нашим все тут же стало известно. Ну и после войны тоже – и британские, а потом и американские секреты – у нас в кармане.

– Ну так в чем же дело? Как можно таким разведчикам не доверять?

– Никакие они не разведчики! Они – агенты. На контроле у советской резидентуры. Когда Филби и прочих вывезли в Союз, их сделали знатными пенсионерами. Квартиры дали по нашим понятиям приличные. То есть образ жизни почти такой же обеспечили, как у какого-нибудь инструктора ЦК КПСС. Ну или заводделом обкома. Но не выше, выше уже небожители начинались, к ним у нас никого приравнивать нельзя было.

– И что, они обиделись?

– Виду не подавали – но поддавали! Такая у нас была про это присказка. То есть они же по идейным соображениям на нас работали, так что им не к лицу было на материальную сторону бытия обижаться. Но моральную переживали, видимо. Огушили досаду и скуку алкоголем. Когда Филби разрешили дать интервью «Таймс», то он первым делом заявил: «Имейте в виду: я – офицер КГБ!» Куда там! Какой еще офицер! Да его на Лубянку на порог не пускали. И вот это, наверно, особенно на него давило – недоверие, клеймо, категория: второй сорт. Не офицер, не разведчик, а всего лишь агент, хоть и заслуживший паек и квартиру. И даже орден. Любой старлей оперуполномоченный допущен, а он – нет.

– То есть полноценный разведчик обязательно гражданином страны должен быть?

– А как же! Это еще Иосиф Виссарионович, Коминтерн разогнав, установил раз и навсегда. Иностранцам не доверять! Они – чужие! Использовать можно. И на идейной основе, и за деньги. Но в штат органов принимать – никогда и ни за что! Штатные сотрудники должны быть своими исконными гражданами, с проверенными анкетами, члены партии, с погонами.

– А вы сами такой подход одобряете, Николай Иванович?

– В целом, да. Так надежнее. Хотя по-человечески Филби могу понять. Но наша профессия, поймите вы, – нечеловеческая. Никакие обычные критерии к ней неприменимы. Можно сравнить, может быть, разве что с орденом иезуитов в период его расцвета. Когда туда человек вступал, он должен был все отринуть, быть готовым всем пожертвовать. Не только своими шкурными интересами, это само собой, но даже и родителями, братьями, любыми земными привязанностями. Никаких человеческих слабостей ему позволено не было. И должен был он быть готов ко всему – и сгнуться без звука, если потребуется, и унижение стерпеть, если так нужно, и даже несправедливость любую принять безропотно, если орден сочтет, что это в его высших интересах. Причем даже объяснений никаких не требовалось, как решил избранный пожизненно генеральный настоятель, так и будет.

Николай Иванович долго еще распространялся об иезуитах, вспоминал Игнатия Лойолу, Лоренцо Риччи, еще пару каких-то феноменальных генеральных настоятелей ордена и как они жертвовали собой и другими не моргнув глазом. На эти исторические экскурсы ушла масса времени, и Данилин уже опять тайком стал поглядывать на часы. Наконец не выдержал, перебил Николая Ивановича, сказал:

– Но я что-то иезуитского самоотречения среди ваших коллег не замечал. Почитайте, что о некоторых разведчиках пишут: и жадность, и блат, и пьянство, и бабы – полный набор, как везде...

«Зря я это так, примет сейчас на свой счет», – подумал Данилин. Но Николай Иванович никаких эмоций не показал, смотрел на Данилина холодно. А его уже понесло:

– Вот мне рассказывают, что в Ясенево, в лесу, в вашей секретной подмосковной штаб-квартире, из туалетов каждый день целые батареи пустых бутылок выгребают. Что после пяти никто уже толком не работает, пьют прямо на рабочих местах. Ставят иногда бутылки на секретные документы. И так далее. Это правда?

Наконец Николай Иванович не выдержал, остановил Данилина раздраженным жестом. Сказал:

– Я же говорю – в период расцвета! Сегодня иезуиты тоже совсем не те...

– Но иезуиты, по крайней мере, не пьют в сортирах...

– Ничего, у них свои проблемы... может, и похуже... И вообще, не слушайте вы этих рассказов, озлобившиеся люди преувеличивают. Хотя, конечно, таких безобразий, как сейчас, в период застоя не было. Как при вашей хваленной демократии.

– Может быть... Но я слышал, что в разведке всегда много пили. И много трахались.

Николай Иванович замолчал, закрыл глаза. Что-то такое вспомнил, наверно, а может, просто устал. Заговорил совсем тихо:

– Пьянство и бабы, говорите. Это почти неизбежное зло. Чем сильнее разведчик, чем острее он работает, тем больше у него в крови адреналина. А когда его много – либидо очень сильное становится, это медицинский факт. И Зорге, и Конон Молодой – был у нас такой знаменитый нелегал – тоже были мастаки по этой части, да и многие другие. Весь вопрос в том в конечном счете: ты его, либидо это самое, контролируешь, или оно тебя.

Вот я вам расскажу одну старую историю. В Канаде, в Квебеке, работал нелегальным резидентом Евгений Брик. Очень неплохо работал, внедрил в канадское общество как нож в масло. А потом вдруг бац – звонит ни с того ни с сего в газету монреальскую, так и называлась – «Газетт». Говорит: «Я звоню, чтобы раскрыть вам страшную тайну. Я – русский шпион. И не простой. А нелегальный резидент. Я тут такую тайную сеть у вас плету. Сейчас все расскажу, вы закачаетесь...» Что с ним случилось? Нервный срыв от постоянного напряжения нечеловеческого. И от двойной жизни. Возможно, даже просто биохимия: отравление адреналином.

– И часто такие случаи бывают? – спросил Данилин.

Николай Иванович повернул голову, посмотрел на Данилина очень внимательно, точно изучал его. Потом сказал:

– Нечасто. Но бывают. Я слышал, у каждого нелегала случаются такие моменты, когда нестерпимо хочется сделать что-то в этом духе. Бессмысленное и сокрушительное. Самоубийственное, фактически. Потому что после такого надо, в общем-то, с собой кончать. Или идти сдаваться в местную контрразведку. Но в подавляющем большинстве случаев такие порывы успешно подавляются. Якобы и Молодого такой сон преследовал: что он звонит в «Таймс» и говорит: я такой-то такой-то и делаю то-то. И каждый раз просыпался в холодном поту. А Брик каким-то образом сон с явью перепутал. Ну, с алкоголем вроде тоже у него были проблемы, и женщина, разумеется, фигурировала.

– Ну и что дальше с ним было – с Бриком?

– Пошел и сдался. При том что газетчики ему не поверили, решили, что это розыгрыш. Трубку бросили! Он за голову схватился: что я наделал. Но поздно. Рассчитывать, что такой разговор пройдет без последствий, невозможно. Думал-думал – и пошел вербоваться к канадским коллегам. И нанес нам очень много вреда. Двойником стал. Активно работал, талантливо. Они же все талантливые, нелегалы наши, по определению. Гении практически.

– Неужели все без исключения? – не удержался от вопроса Данилин.

– Нелегального резидента подготовить и внедрить – это таких денег стоит – все равно что истребитель сверхзвуковой построить. Подготовка индивидуальная. Их в юном возрасте, как правило, берут на заметку. Ведут, пестуют. Вон Молодого ребенком еще в США отправляли язык учить. Потом еще сколько лет возились с ним, супермена из него делали. И сделали. Такую нелегальную разведку какую мы имели, ни одна западная страна позволить себе не может. Это как метро – никому такие дворцы под землей строить было не по карману. Только нам. А теперь весь мир к нам ездит, стоят толпы с разинутыми ртами на «Площади Революции» или на «Маяковской» и писают от восторга – такого нигде не найти... Правда, на новые станции – на «Профсоюзную» или «Фили» – что-то не очень-то интуристы валят... это почему, спрашивается? Не догадываетесь?

Данилин хотел было что-то ехидное вставить про египетские пирамиды, но сдержался, не стал сбивать Николая Ивановича, а то и так тот уклонялся куда-то в сторону.

Вдруг опять почему-то Зорге вспомнил, как Сталин ему не верил, считал, что тот, как недобитый коминтерновец и немецкий коммунист, нацистов ненавидел и после заключения советско-германского пакта утратил всякую объективность, все норовил Гитлера в глазах Сталина разоблачить. А Сталин хотел не разоблачений, а информации. Причем такой, чтобы подтверждала сталинскую прозорливость. А Зорге все настаивал, что Германия обманет, и тем самым ставил Сталина в идиотское положение. А ведь истина – понятие относительное,

зыбкое, а непогрешимость лидера – абсолютная! И потому Сталин Зорге возненавидел и не пожелал пальцем пошевелить, чтобы его спасти, когда японцы его арестовали. Хотя возможности были – ведь с Японией до 45-го не было войны, даже дипотношения сохранялись. Японцы ждали – ждали, что им русские за Зорге предложат, да не дождались. И тогда они Зорге повесили.

И как-то так выходило у Николая Ивановича, тем не менее, что Сталин все равно был прав. В своем праве, как он выразился, потому как был он генеральный настоятель.

«В себе ли вообще этот Николай Иванович?» – подумал тут Данилин. А тот продолжал: – Вот после Зорге Сталин и решил окончательно – никаких иностранцев. Только чтобы свои, родные, доморощенные, чтобы в погонах и члены партии. В том числе и в нелегальной разведке такой порядок был заведен. Сталин велел: делать Джонов и Жанов из наших собственных Иванов. Вот они могут нелегальными резидентами быть, а остальное – агентура! То есть так, человеческий подручный материал кратковременного использования. И мы с этой невозможной задачей справились – единственные в мире. Уникальный эксперимент – доказали, что можно наших людей в настоящих англичан, французов и прочих превращать. Вернее, в двойных людей. Матрешка: внутри одного – другой.

Николай Иванович вдруг замолчал надолго. Данилин даже испугался, не спит ли он с открытыми глазами? Но Николай Иванович нарушил наконец молчание и сказал невпопад:

– А Евгения Брика потом нам один из канадских коллег продал – за пять тысяч долларов. Их нравы, канадские.

– Ну и как он... умер? – спросил Данилин.

– На эту тему я не хочу говорить, – сказал Николай Иванович, совсем перейдя на шепот – Данилин еле-еле расслышал его.

– Нет, погодите, погодите! Это ведь не секрет никакой, это давно известно, что за... это, за переход на сторону противника, вообще за предательство, разведчиков у нас приговаривают к смерти.

– Ну да, конечно. Приговаривают.

– И Брика приговорили?

Николай Иванович пожал плечами. Опять прошептал:

– Наверно.

– Ну а бывали ли исключения? В каких-нибудь особых случаях, учитывая обстоятельства...

Николай Иванович пожал плечами.

– А правда, – спросил Данилин, – что Пеньковского за то, что он к англичанам перекинулся, живьем сожгли? Приговорили к расстрелу, а на самом деле положили в открытый гроб и медленно так – по самодвижущейся ленте – в печку крематория? В присутствии коллег? – спросил Данилин.

– Не знаю, – сказал Николай Иванович, – это же дела ГРУ, военной разведки. Это же их предатель, не наш. Но слух такой – про крематорий – ходил всюду. Педагогически очень полезный.

Помолчал, посмотрел в потолок и, чуть повысив голос, добавил:

– Кстати, насчет Пеньковского, – он тоже в английской форме фотографировался, и какое-то подобие ордена ему тоже вручали. Но все это была так, бижутерия... Как же, сделали бы его англичане своим офицером – ждите. Так что не у одного Филби, у всех у них судьба такая.

– У кого это у них? У предателей? – не удержался Данилин.

Николай Иванович снова посмотрел внимательно, сказал четко, отдельно и громко:

– Это Пеньковский был предатель. А Филби высокоидейный наш помощник. Англичанин, верный идеям марксизма и Советского Союза.

После этого Данилин не знал, что еще и сказать. Предложил:

– Еще чайку, может быть?

– Нет, спасибо, – отвечал Николай Иванович.

«Выпить небось хочет, но ведь ни за что не признается!» – подумал Данилин, а вслух сказал:

– Вам, наверно, Миша, рассказывал, какое мы странное письмо из Англии получили.

Николай Иванович сделал небрежный жест рукой, который Данилин понял так: «Что-то мне ваш Миша говорил такое невнятное, но я лишних вопросов стараюсь не задавать».

– Вот, взгляните, – решился Данилин и протянул Николаю Ивановичу письмо. – Вы же по-английски читаете?

Николай Иванович секунду поколебался, потом все-таки осторожно взял письмо в руки, надел очки. Стал читать. Лицо его при этом оставалось совершенно невозмутимым. Дочитал до конца. Аккуратно положил его на кухонный стол. А потом вдруг резко встал и направился к двери, на ходу натягивая пальто. Обернулся в прихожей, что-то пробормотал. То ли до свидания сказал, то ли еще что-то.

И хлопнул дверью.

– Погодите, погодите минуту! – закричал ему вслед Данилин. Но что было толку кричать. Того уже и след простыл.

11

Ольга была одного роста с Данилиным, а когда надевала каблуки, то становилась выше него. Вот в чем было дело. Вернее, нет, дело было совсем не в этом, а в том, что однажды, в самом начале, она сказала ему: «Имей в виду, я прилепляюсь очень крепко. Если что – отдирать больно будет». – «Кому больно?» – зачем-то спросил Данилин. «Всем», – сказала она, и у нее вдруг стало такое особенное выражение лица... у Данилина даже похолодело внутри. Но он виду не подал, даже, кажется, засмеялся, хоть и не очень натурально.

Когда Ольга злилась, ее большие карие глаза вдруг делались меньше, ноздри раздувались, а подбородок как будто выдвигался вперед. Данилин несколько раз собирался сказать ей: «Не сердись – тебе не идет». Но не решался, опасаясь, что это лишь спровоцирует еще более высокий градус язвительности и раздражения.

Вот и сейчас она сидела напротив Данилина в его кабинете, заложив одну умопомрачительную ногу за другую, и язвила:

– Я вообще не могу понять: что ты в ней находишь? Нос длинный, задница оттопыренная...

Данилин поморщился, сказал:

– Давай не будем об этом, а?

Но куда там! Сбить Ольгу с избранного пути было невозможно.

– Ноги кривоватые, прямо скажем... Всего-то и есть что глаза серые, да и то...

Не остановится, с тоской думал Данилин, пока весь список не будет оглашен: и что Таня зануда, и вообще дура, кроме театра своего ничего не знает и не понимает, но при этом она неудавшаяся, закомплексованная актриса. Что ничего особенного в ней нет и что Татьяна нужна ему, Данилину, не для нормальных сексуальных отношений, поскольку удовлетворить она его не может, а для чего-то другого...

Данилин сидел и слушал привычный уже набор злых слов и думал, что, как ни странно, почти во всех этих определениях есть некая доля истины. Боковая и непрямая, но есть. Таня действительно человек оригинальный, можно сказать, странный, ни на кого не похожий. Но это для Данилина скорее плюс, чем минус. Из-за этого, наверно, он к ней и привязан так сильно, что никакая страсть не может эту цепочку разорвать. И, кстати, не только он, Данилин, изюминку эту в Тане видит. Всегда она пользовалась успехом у мужчин...

Одержимость театром – да, это имеет место быть. Актриса действительно неудавшаяся, вернее, несостоявшаяся – из-за смертельного конфликта с главрежем на очень раннем этапе карьеры. Конфликт был связан, естественно, с тем, что тот ее очень домогался и был глубоко поражен, даже шокирован, получив отпор. Поначалу никак не мог поверить, что она, эта субретка (не в смысле амплуа, а в смысле незначительности роли в труппе) несчастная, эта шмакодявка, эта никто и звать никак смеет отвергать главного для нее человека, от которого зависит вся ее судьба. И которому и звезды первой величины, и модели, и примадонны всякие не отказывают, за честь почитают... Не говоря уже об актрисах. А уж начинающие вообще в очередь выстроились.

Эта же традиция древняя, священная: главреж все равно что феодал, что сеньор, имеющий право первой, да и всякой другой ночи в своем владении! Чуть ли не впервые такой облом случился с ним, с тех пор как его назначили главным режиссером. Чем больше Татьяна сопротивлялась, тем более он распалялся, даже расстраивался, это просто становилось уже делом принципа и опасного прецедента. Подрыв устоев, да и только! Дело едва не дошло до изнасилования в рабочем кабинете главного – ему все казалось, что Татьяна просто кокет-

ничает, жеманится, цену себе набивает. Ну и надо поднажать еще чуть-чуть, и все будет в порядке.

В процессе этого эксперимента Татьяна сначала дала главрежу оплеуху, а когда она не помогла, врезала ему коленкой между ног так сильно, что тот чуть в больницу не угодил. Неделю ходить нормально не мог. Но от Татьяны отстал. Даже улучил момент, прихромал к ней в коридоре, прошептал: «Извините меня, это больше не повторится». Но смотрел при этом в сторону – видно, не раскаялся, а просто боялся огласки. И можно было не сомневаться: будет Татьяна при любой возможности гнобить и задвигать, в театре ей ничего не светит. Таня могла бы устроиться куда-то еще, но случившееся отбило у нее охоту к актерской карьере. И, наверно, какие-то комплексы после этого всего остались. Жаль – актриса получилась бы гениальная. А теперь лишь театровед и доцент ГИТИСа. Но есть и свои плюсы: Таня вспомнила английский, который учила вместе с Данилиным в спецшколе, стала читать Стоппарда и Олби в оригинале, занялась влиянием Шекспира на русский театр. И сама стала пьесы пописывать, психологические триллеры, хоть и без особого успеха. Ей друзья объясняли: или уж триллер, или психология. А для того и другого вместе в России пока аудитории нет. Таня работала над собой, пыталась понять, для чего в России аудитория есть. Штудировала «Совершенно секретно», поражая иногда Данилина историями про наемных киллеров и головоломные финансовые схемы. По части осведомленности в таких делах дала бы сейчас Ольге сто очков вперед, между прочим.

Ну а насчет недостатков фигуры и прочего – тоже сильно преувеличено, хотя опять же небольшая доля истины есть.

Так размышлял Данилин, как всегда, не зная, как себя вести в таком случае – резко Ольгу оборвать? Запретить ей подобные разговоры? Вроде бы так должен поступить порядочный человек. Но разве он, Данилин, перед Ольгой не виноват? Разве не поклялся он, после того как они расстались, быть с ней терпеливым и внимательным, безропотно сносить мелкие и крупные уколы и так далее? И принимать их как вполне заслуженное наказание? Тем более что работать вместе надо и даже, может быть, газету вместе спасать...

Кроме того, было и еще одно обстоятельство, в котором Данилину было стыдно самому себе признаваться. Но, если быть до конца честным, разве не щекочет слегка самолюбия, что вот такая сильная и привлекательная женщина, как Ольга, так из-за него с ума сходит? Такие сильные эмоции, такую ненависть к сопернице испытывает, что не может даже полностью с собой совладать? «Это нечто атавистическое, и у нее, и у меня, – утешал себя Данилин, – а с древними инстинктами, на генетическом уровне заложенными, бороться сложнее всего».

И еще Данилину очень хотелось сказать: «Оля! Ты такая красивая! Такая сексапильная! Такой потрясающей женщины у меня не было никогда и, разумеется, уже не будет! И мне тоже очень грустно, что мы расстались. И все, что было, вспоминается как невероятный, сладкий, волшебный сон. Но разве не были мы безумно счастливы? Разве не бредили наяву, не впадали в опьянение от близости друг друга, не хохотали как оглашенные часами напролет – до изнеможения, до слез? Куда же это счастье подевалось? У меня оно осталось, я его никогда не забуду, это теперь часть моей жизни, может быть, даже самая яркая и острая... Умирать буду – вспомню и станет легче. Неужели у тебя нет ничего подобного, неужели ты все это в себе перечеркнула?»

Но ничего этого вслух Данилин не говорил, а сам себе отвечал: «У женщин это по-другому, видно, устроено. Не могут ничего позитивного эти воспоминания у нее вызывать, наоборот. Чем лучше было тогда, тем хуже сейчас, тем горше и обиднее. Поэтому лучше даже и не напоминать ни о чем, а терпеть, терпеть и терпеть».

Но когда Ольга заходила слишком далеко, его, конечно, корбило. Как сегодня, например.

– Ну и зачем, скажи, тебе твоя вислозадая голову морочит?

Тут терпение Данилина лопнуло.

– Слушай, так не пойдет! Ты сама себя унижаешь, когда говоришь в таком тоне. Это невозможно. Я и Тане не даю оскорбительно говорить о тебе.

– Вот уж не поверю! То есть, может, ты что-то такое и бурчишь себе под нос, но станет она тебя слушать, как же!

– Можешь не верить. Но если что-то неподобающее говорится, я просто прерываю разговор и ухожу в другую комнату. И, кстати, ей до тебя далеко – по остроте выражений. Уйти из собственного кабинета я не могу. Так что придется выйти тебе.

– Нет, но я просто хотела сказать...

– Нет, не буду слушать! Извинись или уходи!

Ольга смотрит недоверчиво: насколько серьезно сердится Данилин? Кажется, на этот раз всерьез.

– Ну ладно, ладно, извини. Не сдержалась, но пойми: ты совершаешь большую ошибку. И зря ее слушаешь. Она не понимает, видимо, что выставляет тебя на посмешище... Да над тобой уже полредакции хихикает... Тоже мне, нашел шпионский триллер...

– погоди, погоди, – прервал ее Данилин. – Татьяна здесь совсем ни при чем.

Ольга морщится: даже просто звук этого имени вызывает у нее глубинное раздражение. Сама же она просто не может себя заставить его выговорить. Говорит: «она», «ее», «у нее». Или вот: «вислозадая». Гадость какая...

Но примерно то же самое было и с другой стороны. Таня, правда, до оскорбительных эпитетов не опускалась, сказывается все же воспитание, как-никак в семье профессора росла, а не в далеком армейском гарнизоне. Но тоже никогда не могла сказать: «Ольга». Тоже употребляла местоимения. А еще придумала странную географическую кличку – называла ее «Австралия». Потому, кажется, что как-то случайно услышала, как та с восторгом рассказывала о своей поездке в эту страну.

Данилину нужно было срочно придать разговору какое-то другое направление.

– Ну послушай! Разве не пригодилось бы нам сейчас хорошенькое расследование? С продолжениями, в нескольких номерах, а? Со всякими такими подробностями загадочными?

– Чепуха! Никого эти байки времен «холодной войны» больше не волнуют...

«Нет, у Ольги поддержки я не найду. Для нее теперь вся эта история накрепко связана с Татьяной. Но и с другой стороны – будто зеркальное отражение. Таня тоже теперь ни за что не отступится, потому что Ольга стоит на противоположном. Заочная дуэль какая-то. Только этого мне не хватало!»

Но по инерции продолжал попытки Ольгу уговорить.

– Представь себе на секунду, что то, что описано в письме, произошло в действительности. И вообрази, что этого Карла на самом деле похитили и вывезли в Союз. И что он все еще жив, и мы сможем его найти... И привезем Джули сюда с дочерью и устроим им встречу. И напечатаем фотографии. И серию очерков с продолжением в нескольких номерах. Да разве не круто?

– Да не так чтобы очень. У нас тут девальвации, гиперинфляции, попытки переворота, обстрел парламента. Зарплаты годами не платят. Кому нужны в такое время старые шпионские сказки?

– Ну почему же непременно – сказки?

– А потому! Я тебе тоже шпионскую историю расскажу про моего дядю Сережу-покойника.

– Это сводный брат твоего отца, кажется? – обрадовался Данилин передышке. Пускай, пускай новеллу какую-нибудь расскажет, может, отвлечется и успокоится.

– Да, он был на много лет его старше. После войны, при Сталине еще, жил в Баку. Так вот однажды приходит он домой со своего нефтехимического завода и говорит Миле, жене

своей, шепотом: вызывали меня сегодня кое-куда. Куда – кое-куда? Не понимает жена. Туда, куда надо, в органы! Мила чуть в обморок не падает. А дядя Сережа ей говорит: предлагают мне сотрудничать – чтобы я время от времени специальные задания в Иране выполнял. Я же химик по образованию – ты понимаешь... Ну и что ты? – спрашивает жена. Не знаю, не знаю, сказал, что подумаю. А они? А они говорят: думай быстрее, а то пожалеешь. Испугалась Мила окончательно и стала мужа уговаривать: соглашайся, в Иране, может, и опасно, но с КГБ поспориться – это намного, намного опаснее!

– Эта организация в те годы МГБ называлась – Министерство госбезопасности, – встрял Данилин.

– Не сбивай! Какая разница – КГБ, МГБ... Одно и то же.

– Извини, действительно несущественно. Их сто раз переименовывали. Так что твой дядя Сережа? Согласился?

– Ну, вроде как, да. Уговорила его тетя Мила. А он все ходил озабоченный такой, хмурый и повторял: «Может, не стоит, а? Может, отказаться? Я же могу не справиться!» В общем, колебался, колебался, потом сказал с отрешенным видом: «Ну, раз ты так считаешь...» Дескать, на что только не пойдешь ради семьи и жены. «Только ты никому никогда ни слова! А то сама понимаешь... И лишних вопросов мне не задавать». И с тех пор повелось: пару раз в месяц, а то и чаще, собирала ему Мила чемоданчик, курочку в дорогу, и он исчезал – когда на несколько дней, а когда и на неделю.

– Кажется, я догадываюсь, чем дело кончится, – пробормотал Данилин.

– Да, все было чудесно, пока лучшая Милина подруга не увидела дядю Сережу на бакинском рынке под руку с некоей молоденькой фифой...

– То есть ты хочешь сказать, что и Джули – лишь обманутая и брошенная женщина?

– Именно! При условии, что эта самая Джули вообще существует... Послушай моего совета, Алеша, брось ты эту чушь! Совсем сейчас не до того, газету надо вытаскивать, а ты устраиваешь тут игру «Зарница» какую-то...

– При чем тут «Зарница»?

– Ну, не знаю, тогда игру «Поймай шпиона».

– Скорее уж «Спаси шпиона», коли на то пошло...

– Ну, игру, короче говоря. А нам сейчас совсем, совсем не до игр, судьба газеты, всего коллектива на кону... А может быть, и вообще независимой журналистики в России...

– Не преувеличивай, – усмехнулся Данилин. – Но если ты думаешь, что я только и делаю, что английским письмом занимаюсь, то ты ошибаешься. Между нами, сегодня я встречаюсь со Щелиным, и мы будем с ним обсуждать возможную новую модель газеты. Я буду его уговаривать вложиться в нее по-крупному.

– Ну и в чем суть новой модели?

– Ты обещаешь, что это пока останется между нами?

– Ну, не томи, скажи уж...

– Нет, ты обещай сначала!

– Ну хорошо, хорошо, обещаю... так в чем идея?

– Ты видела когда-нибудь лондонский «Ивнинг стандарт»?

– Кажется, да... Это таблоид такой...

– Ну да, формат А4. В транспорте удобно в руки взять. Но главное – другое. Принцип «чересполосицы». На первой странице – коротко о главной, самой сенсационной истории дня для жителей Москвы. С большущей фотографией – в цвете. Продолжение внутри, как правило, на третьей странице. А потом – одна страница – городских новостей и даже сплетен, а следующая – серьезное расследование или репортаж на острую тему или очерк. И где-то ближе к середине, это может быть даже и публицистика, и рецензия на новую книгу, и на телепередачу. Но главное – чтобы чередовались темы для более взыскательного читателя и

нечто бульварное, более развлекательное чтение, в общем. То есть чтобы как в Лондоне – каждому было что почитать – и профессору, и слесарю, и мелкому служащему. Неинтересна тебе страница – переверни ее, и найдешь свое! Страницы переворачиваются легко, газета много места не занимает...

– Но, значит, ты берешь курс на превращение «Вестей» в городскую вечерку... Ты обязан это с коллективом обсудить... Многие будут против...

– Пока нечего обсуждать! Вот почему так важно, чтобы ты меня не подвела – не надо на этом этапе никаких слухов! Вот доработаю концепцию, бизнес-план напишу, поддержкой Щелина заручусь, деньги найду. Вот тогда и представлю все это коллективу.

– Тогда уже поздно будет что-либо обсуждать...

– Ничего подобного! Все равно все будет решаться на общем собрании акционеров. А акционеры у нас кто? Правильно, сами трудящиеся! Прямая демократия. Но это будет серьезный, детально проработанный проект, а не набор сырых идей.

– Не знаю, не знаю... Ты сильно рискуешь, по-моему... Городская вечерняя газета – это несерьезно...

– Еще как серьезно! Смотри, и так всюду происходит фрагментация – общенациональная, общероссийская газета – это уже анахронизм. Пришло время для региональной прессы. А уж в Москве – тем более! Причем пример «Ивнинг стандарт» показывает – не обязательно вообще это должен быть полный «бульвар», возможен интересный компромисс качественной журналистики и чего-то несколько более «желтого», в меру, конечно... И пойми – это не будет газета только лишь городских новостей. Не про город, а для города... То есть если, скажем, сегодня вечером самая интересная и важная для москвичей новость придет из Вашингтона, то она и будет на первой полосе. А если из Коньково-Деревлево – то она...

– Не знаю, подумать надо... Не спеши, Алексей, а то дело плохо может кончиться. И для тебя лично – прежде всего. Голову свернешь!

Но Данилин уже увлекся.

– Крайне важно, чтобы была создана своя, отдельная система распространения. Чтобы опять же, как в Лондоне, – на каждой станции метро, на каждом вокзале стоял свой пенсионер со своей маленькой тумбочкой – мини-киоском. И торговал с четырех до восьми или девяти исключительно нашей газетой, а не всем подряд. А перед каждой тумбочкой – плакат с самой сенсационной новостью для города на этот момент. И чтобы выкрикивал: «Вести!»! «Вести!»! «Вести!»!

– Для этого тебе надо прежде всего будет с метрополитеном договориться, а они жадные, им деньги нужны...

– Ничего, договоримся, у Щелина там связи есть... И в мэрии, кстати, тоже...

– Как бы они в долю не попросились, акций не захотели...

– Да нет, есть другие способы...

– Не знаю, по-моему, авантюра...

На этом разговор зашел в тупик. Но Данилин был рад и тому, что они не вернулись к обсуждению личных качеств Татьяны.

К тому же ему действительно пришлось время ехать на историческую встречу с Щелиным, от которой в такой степени зависела судьба газеты.

Но когда он уже надел дубленку и собирался выйти из кабинета, к нему все-таки прорвался Миша Филатов. Данилин опередил его, не дал слова вымолвить.

– Слушай, Миша, – сказал он. – Ну и нахал твой Николай Иванович оказался! За что он с меня пятьсот долларов слупил? За подробности, которые можно из популярных журналов почерпнуть?

– Думаю, он цену себе набивал, дал понять, что за конкретные сведения по делу пяти-сот мало. Обидно ему показалось...

– А по-моему, так элементарное кидалово! И мы с тобой, Михаил, выступили в роли настоящих лохов!

– Тут хуже дело, Палыч... Дружбан только что заезжал. Какой-то слегка напуганный. Говорит: Николай Иванович пропал...

– Как пропал? Ну, я и говорю, хватъ полтыщи и в бега...

– Да нет, дружбан говорит: на самом деле пропал. Вроде его под микитки взяли и увезли куда-то. Даже собраться не дали. И еще дружбан просил передать вам совет. Бросьте, говорит, это дело немедленно. Оно гораздо серьезнее оказалось, чем можно было думать. Там какая-то еще дополнительная подкладка есть, современная. Опасная. Тем более все равно не раскопаете ничего. Вам не по зубам. Поэтому поберегите лучше жизнь и здоровье и об этой истории забудьте.

– Ты думаешь, он это всерьез?

– Куда серьезнее... Это же не главное все-таки, Палыч, всякие такие истории рассказывать. И другие еще вещи в жизни есть. Поважней... Давай бросим письмо это к ляду, а, Палыч?

– Я подумаю, – сухо отвечал Данилин. Ему действительно было над чем подумать.

12

Таня была дома. Целых три дня отсутствовала, выдерживала характер. И он тем же занимался, даже не позвонил ни разу. И вот теперь, можно сказать, он победил. Она вернулась. И похоже было, что провела здесь уже несколько часов – квартира была приведена в порядок, даже в кабинете за стеклянной стенкой недоразобранные Данилиным завалы были аккуратно рассортированы и разложены по нескольким открытым коробкам – книги к книгам, блокноты к блокнотам, непонятно откуда вырванные листы и обрывки – отдельно. Кажется, в оскверненный, залапанный и запачканный дом возвращается что-то, похищенное грабителями. Дом был еще болен, ненормален, организм его не до конца очистился от гнусной инфекции, его еще слегка лихорадило, но он уже был на пути к выздоровлению. Можно было потихоньку приучаться снова здесь жить, а не просто приходить кое-как переночевать, перекаптоваться, забыться до утра, как в запыленной привокзальной гостинице.

Данилин шел по квартире, прикоснулся пальцами к знакомым предметам – к шкафам, столам, стульям, контакт восстанавливал, как будто знакомился заново.

Но лучики все сходились в одной точке, в одном центре, излучавшем тепло, – в гостиной, скинув тапочки и забравшись с ногами на диван, сидела Ткня и читала своего любимого Трифонова.

Данилин поражался: Трифонов изумителен, кто бы спорил, но сколько можно? Жизнь одна, вон сколько всего надо успеть прочесть!

Но вот в тяжелую минуту жене требовался именно Трифонов, и никто другой. Это, кстати, был верный признак – если Таня читает «Долгое прощание», или «Дом на набережной», или «Время и место», значит, плохо у нее на душе. И надо быть с ней повнимательней.

Но последние года три Данилин совсем не был к жене внимателен, скорее, наоборот. А потому Трифонов не исчезал с журнального столика и с тумбочки у кровати. В ходу было сразу несколько томов, и читались они с любого места, как Библия.

– Привет, – бодро сказал Данилин.

Последовала, как написали бы в пьесе, пауза.

Но недолгая. Чтобы фразу дочитать. Или абзац.

После чего Таня подняла глаза. Смотрела на Данилина еще полсекунды и ответила:

– Привет.

Не слишком тихо, не слишком громко. Вежливо, но печально, с добавленной капелькой холода.

Вообще Данилин никогда не был до конца уверен: насколько его жена играет жизнь, а насколько живет. Несостоявшаяся актриса и, возможно, даже несбывшийся режиссер все время были где-то рядом и то и дело ставили сцены.

Вот и сейчас пауза была выдержана точно: ни на такт дольше, ни на такт короче, чем надо. И интонация и громкость тоже были выверены. Всего одно слово, а сколько смыслов. Привет – но с некоторой долей грусти и отстраненности. Привет – такие вот дела, милый мой, невеселые. Привет – но мы держимся и даже, может быть, надеемся на лучшее. Хотя вполне вероятно и худшее.

Звучало как импровизация. «Но это на самом деле отрепетировано», – думал Данилин и слегка раздражался. Хотя не каждый ли репетирует подобные сцены, если не перед зеркалом, то, по крайней мере, в голове своей? Только сегодня Данилину было не до игры.

Таня снова подняла на Данилина свои огромные, нереально серые глаза, и в них было то же самое, что в голосе – ожидание подвоха, готовность терпеть, но не обязательно простить.

Данилин чувствовал себя участником спектакля, острой психологической драмы. Поэтому крайне важна была следующая реплика.

И он выбрал ее, кажется, безошибочно.

– Николай Иванович исчез, – сказал он.

Таня понятия не имела, кто такой Николай Иванович. Но это лишь придавало реплике дополнительный драматизм, элемент загадки.

К тому же Данилину играть вовсе не надо было – в его интонации естественно отразилось то, что он ощущал: обескураженность, если не растерянность, почти испуг. И даже предупреждение о возможной опасности. И мольба: ну брось, в конце концов, не до того сейчас, не до дуэлей психологических, гляди чего творится вообще!

И Таня мольбе вняла. Или просто женское любопытство взяло верх. Или знаменитая интуиция сработала.

– Кто такой Николай Иванович? – быстро спросила она, но в ее голосе была тревога и готовность помочь, а не отторжение. Не «с какой стати меня это должно волновать?», а «объясни скорей, в чем дело, давай вместе разбираться».

Данилин снял пиджак, повесил его на спинку стула и уселся на диван рядом с Таней, но так, чтобы между ними все же оставалось достаточное расстояние. Вполне еще один человек мог бы уместиться. Не глядя на жену, он тихо сказал:

– Николай Иванович – это бывший кагэбэшник. То ли разведчик, то ли, наоборот, контрразведчик. А может, и кадровик какой-нибудь или сотрудник архива, но вроде бы очень хорошо осведомленный. Его выгнали за что-то – то ли за пьянку, то ли за аморалку, или за то и за другое вместе. В общем, он на контору зуб имеет. И вдобавок остался без пенсии, бедствует, в деньгах нуждается, тем более что якобы пьет все чаще. Короче говоря, Мишин приятель уговорил его дать мне консультацию за пятьсот вездеходов.

– Все-таки ты полез в историю с письмом, – вздохнула Таня.

Данилину хотелось повысить голос, прокричать: «Да, да, полез, причем из-за тебя!» Но он удержался, решил взять на вооружение технику Николая Ивановича: говорить тихо, приглушенно, заставляя Татьяну напряженно вслушиваться.

– Да, предполагалось, что он должен был подтвердить или опровергнуть содержание письма и факт похищения человека по имени Карл. Женатого на англичанке Джулиет. Ну и контекст дать – что там происходило и происходит в этих их шпионских глубинах. Насколько опасно туда заглядывать. Есть ли шансы разобраться в истории и что-то написать в газете.

– Ну и что, про-кон-суль-ти-ровал он тебя? – Татьяна скорчила такую уморительную физиономию, изображая важного и секретного консультанта, что в другое время Данилин расхохотался бы непременно, но сегодня ему было не до смеха.

– Не смейся... Контекст дал кое-какой, хотя, по-моему, так, на уровне популярного чтения. Разве что пару профессиональных жаргонизмов я усвоил. Например, «разведка с нелегальных позиций» – как тебе нравится?

– Фу, казенщина какая!

– Во-во. Ну, исторический очерк, и всякое такое. И вот когда мне показалось, что он разогрелся вроде, разоткровенничался слегка, к сути дела стали приближаться, так вдруг все рухнуло. Как только я дал ему письмо прочитать, он тут же, прямо сразу, прервал беседу и ушел. Довольно грубо, вообще-то.

– То есть что, буквально так – прочитал, оторопел и в ту же секунду сбежал?

– Получается так... Если только не совпадение такое нелепое... Ведь в жизни чего только не бывает. Может, ему просто дурно стало, я не знаю... выпить приспичило немедленно... Еще такое что-нибудь... Он же алкаш...

– И после этого он исчез?

– Да, Миша говорит, что пропал совсем. Может, спрячется от нас – скорее всего. Правда, есть версия, что даже и увезли его куда-то...

– Увезли? Арестовали? Похитили?

– Ну что ты – чуть что, сразу похитили... Повезли, может, к начальнику какому на ковер. Тот ему сказал: хватит пить! И с журналистами хватит болтать! Ну и угрозы, как полагается... Я думаю, что-нибудь в таком духе.

– Ой, не нравится мне это, Данилин. Что-то совсем не нравится...

– Миша говорит, что его контакт тоже... того-с...

– Что – того-с?

– Что-что... испугался, вот что. В штаны наложил. Просил передать: в деле есть какая-то современная подкладка. Стремно, говорит, бросьте, не лезьте, а то пальчики обожжете.

– Ну, это они наговорят тебе с три короба, – сказала Таня. – Не верь! Вообще если ты теперь у нас в такие дела вникаешь, то тебе надо за правило взять – не верить им. Потому как скорей всего – неправда. Дезинформация у них называется.

– Легенда! – сказал Данилин.

– Во-во!

Таня замолчала, задумалась. Видно было, что внутри у нее идет какая-то борьба. Не хотелось ей, видно, чтобы письмо Джули осталось без ответа. Данилин вдруг догадался, что Татьяна почему-то ассоциирует себя с англичанкой. Хотя с чего бы это... Странность какая...

Но борьба закончилась, кажется, победой здравого смысла.

– Знаешь, что... может, конечно, это действительно элементарное кидалово на пятьсот баксов... Но что-то мне как-то не по себе... Оставь на самом деле эту историю. Другую себе найдешь, вон сколько всего надо расследовать. Одна коррупция в Центральной группе войск чего стоит... Если эту тему раскрутить...

– Ты думаешь, это безопасней?

– Ну, если не безопасней, то, по крайней мере, понятней... Вон ребята из «МК» не боятся...

– То есть интуиция твоя говорит: стоп?

– Говорит: опасность!

И вдруг Данилин понял, что чары развеялись. Действительно, чего это он так завелся? Да, черт с ними, со шпионами этими и с похищениями, которых, может, и не было никогда. Нормальные люди в другом, реальном мире живут.

– Ладно, Лобова, уговорила! – сказал он прежним своим, бархатным голосом. – Давай спать?

Таня сидела закрыв глаза. Вдруг наступила совсем другая пауза, долгая и наполненная напряжением до краев. Вот Данилин чуть-чуть подвинулся вправо, в сторону Тани, и снова замер. Она не могла этого не услышать, но никак не реагировала, сидела как истукан, вжавшись в угол дивана. Данилин рискнул подвинуться еще на какой-то сантиметр, потом еще на один. И вот они уже совсем рядом. Таня по-прежнему не открывала глаз, но загадочная полуулыбка-полугримаска появилась у нее на лице. Еще мгновение, и Таня сдвинулась навстречу, потом вдруг, как-то сразу, неожиданно, оказалась у Данилина на коленях. Не открывая глаз, она, точно слепая, ласково, нежно трогала его лицо кончиками пальцев, будто изучала его. Потом стала осторожно целовать его – в нос, в лоб, в глаза – во все, что попадалось на пути ее исследования. Вдруг слегка укусила его за ухо – Данилин даже вскрикнул от неожиданности, а Таня, не дав ему опомниться, нашла его руки, положила их себе на грудь. Под рубашкой у нее не оказалось лифчика, и Данилин вдруг ощутил такое острое, резкое возбуждение, какого не испытывал с женой уже много лет, как будто они вернулись в те давние достославные годы, когда только познавали друг друга. А впрочем, нет, тогда тоже все было замечательно – но иначе. Совсем иначе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.